

Владимир Бувев

Привык я утром
двигать горизонт,
или

Гениальность
не порок,
а лишь повод
для знакомства

Пародии на стихи
Михаила Гундарина

Часть III

18+

Владимир Буев
Привык я утром двигать
горизонт, или Гениальность
не порок, а лишь повод для
знакомства. Пародии на стихи
Михаила Гундарина. Часть III

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68006445
SelfPub; 2022*

Аннотация

Заключительная часть "трёхтомника" пародий на стихи прежде алтайского, а нынче известного московского (но в целом российского и глубоко народного русского) поэта Михаила Гундарина.

Содержание

Не последний том	6
От автора	15
Стихи и пародии/версификации/отклики	19
Пошто ты так тиранишь слово?	19
Робинзоном я представился	21
Полоска	23
Что за жизнь!	25
В окна смотрю я твои: медведь!	26
Мечты и грёзы	28
Ночь мне Апокалипсис пророчит	30
Показалось, что снег...	32
То Люцифер, то Орландина	33
Амфибрахий, хорей и анапест таят тоску	34
Такая сильная любовь	35
На голову болен	37
Я всегда витаю по верхам	38
Если в паспорте фото	39
Коль чуждо оливье...	40
Стою на сцене я, красавец хоть куда	42
Хор мертвецов на погосте пел	44
Вот не умел пацан писать	45
Духовные скрепы	46
Ту, кто касается плеч...	48

Коли тонешь сам, захвати других	50
Привык я утром двигать горизонт	52
Я заснул, и мне так хорошо	54
Смотреть с небес на землю просто	56
Хочешь открою секрет, чувак?	58
Я с апрелем живую беседу...	60
Небольшой повтор	62
Коль рощу опрокинутой узрел...	63
Когда поэт вступил в возрастную пору	65
Как надо делать	67
То ли сплю, а то ли в Инстаграме	70
На заборах прежде читал...	72
Сон приснился страшный	73
Апокалипсис приключился	75
Глубоких чувств и мыслей выдать хочется	77
Прикрою забралом всё тело	79
Пересекаю я целое государство	81
Город в солнце, а мне до фени	83
На юге пьянчуги	86
Владыка мира я	90
Материю сожгу...	93
Я выпускаю их в стих, пусть идут	96
Ночью полной с синицей возился	100
О муках нечеловеческих	103
Творения	107
Месть	111

Опять подшофе	115
Рискованная прогулка	118
Заляжем-ка давай неважно где с тобой	122
Молодым – молодое!	127
Если мнится, что бог...	134
Гениальность не порок	143
Я рефлексирую, я не мошка	153

Владимир Буев

**Привык я утром двигать
горизонт, или Гениальность
не порок, а лишь повод
для знакомства. Пародии
на стихи Михаила
Гундарина. Часть III**

Не последний том

«Помните фразу Юрия Олеши про “ни дня без строчки”, ставшую лозунгом... нет, не сегодняшнего дня, а советского (и отчасти российского) графомана?

Так вот: очень мне хотелось, чтобы ни единый стих Миши Гундарина не остался без моей пародии (версификации/вариации или на худой конец просто отклика как “природы со-творённой”).

Пока до этого далеко. Ещё не все стихи друга осмыслены, оприходованы и обласканы...»

С этого заявления начинается авторское предисловие Владимира Буева к третьему тому стихотворений Михаила Гундарина и его пародий на эти стихи. И сразу становится понятным, почему это – уже третий том, а также то, что он вполне может оказаться не последним.

Впрочем, в каждом томе есть свои особенности и свои сюрпризы. В этом Михаил Гундарин, а за ним и Владимир Буев обращаются к старой, как мир, теме. Причём делают это в нарочито постмодернистской форме:

знаменитый поэт после шестидесяти
перестал писать стихи
во время немногочисленных встреч с публикой
или редких интервью
на все вопросы о поэзии он болезненно кривится
и сразу же достает пачку фотографий
они всегда с ним в холщовой сумке
он стал фотохудожником-пейзажистом
все смотрят чтобы не обидеть
ничего особенного
леса поля холмы берега
камера плоховата да и снимки...
так банальны
что кажется будто, хвалясь,
он видит на них

что-то не видимое никому из нас
собственно, с его стихами было то же самое

Тема «поэта и поэзии», как учили нас в средней школе, присутствует в творчестве каждого крупного поэта (шутники добавляли к этому: и немалого числа поэтов мелких). Во всяком случае, начиная со знаменитого горациевого «Ergo monumentum aere perennius» и до конца прошлого уже XX века поэты писали стихи о себе, своём предназначении и своём труде регулярно.

Вспомним Державина:

Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слого
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Или вот Пушкин, исключительно по-своему видевший общение поэта с публикой:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум...

Однако Михаил Гундарин пишет совсем о другом – о старении поэта, об отходе от поэтического творчества. В середине 70-х об этом кратко и ёмко писал Александр Межиров:

Всё то, что Гёте петь любовь заставило
На рубеже восьмидесяти лет, –
Как исключенье, подтверждает правило, –
А правила без исключенья нет.
А правило – оно бесповоротно,
Всем смертным надлежит его блюсти:
До тридцати – поэтом быть почётно,
И срам крошечный – после тридцати.

Впрочем, поэт у Гундарина и до тридцати был, как мы видим, не из великих.

Но Владимир Буев в пародии на это стихотворение (между прочим, она – нечастый случай, когда пародист использует постмодернистскую форму стиха, идя за оригиналом) смотрит на проблему с совсем иной точки зрения:

когда поэт вступил в возрастную пору
его читатели вздохнули с облегчением
то есть свободно

а затем задышали полной грудью
и разбежались по своим квартирам и норам
чтобы найти себе нового кумира
вздыхая при этом о старом
ибо старый конь борозды не испортит
пусть творец и вышел в тираж давно
да ему и не надо было выходить самому
ибо и без него его тиражи
(даже если он сам ничего не писал
а писали литературные негры)
были миллионными
от его-не его произведений не было спасу
студентам филфаков литфаков и журфаков
на экзаменах...

В пародии поэт уже не обязательно и поэт: есть подозрение, что стихи за него пишут «литературные негры». И публика его не так уж и жаловала, особенно студенты филологических факультетов, как бы они ни назывались, которым творчество поэта необходимо было изучать по программе. И получается вполне современная и вполне абсурдистская история о не совсем существующей не совсем поэзии. И какой уж тут памятник, меди нетленнее, какая уж народная любовь, которой можно было бы не дорожить.

Следующая пара «стихотворение–пародия» более инте-

ресна своей второй частью. Михаил Гундарин заключил вполне модернистское содержание стихотворения во вполне классическую форму, и претензии к его произведению могут быть исключительно вкусовые: нравится – не нравится.

Тёмных дворов – ледяных пучин –
мёртвые голоса.

Выключи свет, растворишься в ночи:
просто закрой глаза.

Каждому времени свой топор,
свой разбитый стакан.

Это они ведут разговор
все ночные века.

А вот Владимир Буев неожиданно пошёл по давно проторённому отечественными пародистами пути, начав пародию с избитой, но до сих пор неплохо смотрящейся кладбищенской темы:

Хор мертвецов на погосте пел
песню, как вечна ночь.

Надо заканчивать беспредел:
прячу топор и прочь
пулей несусь, чтоб налить в стакан
то, что вернёт покой.

Эх, не удался с утра роман –

ночью теперь бухой.

Можно, конечно, вспомнить здесь Максима Горького с его «смертельно-кладбищенскими» пародиями на поэтов-символистов, но не будем углубляться так далеко. В начале 60-х годов минимум раз в день советское радио, а тогда оно ещё было основным средством массовой информации, радовало жаждающее общения с прекрасным население песней «По Ангаре» (музыка Александры Пахмутовой, слова Сергея Гребенникова и Николая Добронравова):

Чуть охрипший гудок парохода
Уплывает в таёжную тьму.
Две девчонки танцуют на палубе,
Звёзды с неба летят на корму.

И тут же появилась пародия неизвестного автора именно с кладбищенской тематикой:

Чуть засветит луна за окошком,
Все покойники разом встают,
Два скелета танцуют на кладбище,
Остальные «Марину» поют.

Давно изжита романтика великих сибирских строек, в первую очередь, Братской ГЭС. Думаю, мало кто помнит

триумфально прошагавшую в те же времена по Советскому Союзу песню «Марина», завезённую гастролировавшим в Москве ансамблем Марино Марини, а вот «кладбищенская» пародия жива до сих пор.

И ещё одно стихотворение Михаила Гундарина, отмеченное пародией:

Так умирает свеча.
В городе пахнет дождём
Ночь моего плеча
Коснулась своим плечом.

Я уступил ей путь
И отступил назад
(Так теряется суть)
Кончился листопад.

Праздник мёртвых свечей!
В сумерках город тих.
О, я не знаю, чем
Ночь эта слаще других!

В данном случае и поэт, и пародист лиричны. Владимир Бувев идёт вслед за автором стихотворения достаточно бережно и с явно выраженной симпатией.

Ту, кто касается плеч,
Я рассмотреть не могу.
Ночь может нас увлечь,
Но мало ли: вдруг сбегу.

Шансы равны у ней
(Ночи или кого?).
Суть уплыла. Эгей!
Где же ты, существо?

Ночь на язык сладка.
Может, таки не ночь?
За́ ночь смогла рука
Воду в ступе столочь.

Нелёгкая это работа – быть пародистом при поэте (хотя Владимир Буев пишет пародии отнюдь не только на стихи Михаила Гундарина, им уделяется наибольшее внимание), но, если обоим авторам нравится такое совместное творчество, никто не имеет право им в этом мешать. Так что вполне возможно, что третий том этого совместного собрания сочинений – далеко не последний.

Владимир Володин, журналист, литератор

От автора

Помните фразу Юрия Олеши про «ни дня без строчки», ставшую лозунгом... нет, не сегодняшнего дня, а советского (и отчасти российского) графомана?

Так вот: очень мне хотелось, чтобы ни единый стих Миши Гундарина не остался без моей пародии (версификации/вариации или на худой конец просто отклика как «природы со-творённой»).

Пока до этого далеко. Ещё не все стихи друга осмыслены, оприходованы и обласканы доброй улыбкой и помянуты тихим добрым словом.

«Ну, не шмогла!» – ровно так заявила некогда в известном анекдоте некая говорящая кляча на ипподроме, пообещав прийти в гонке первой, но слово своё не сдержав.

«Ну, не шмогла!»

И я не шмог.

Впрочем, пожалуй, «ещё не вечер, ещё не все погасли краски дня», а порох в пороховнице – ого-го какой! – до сей поры сохранился. Поэтому имеется. Держим в сухости и сохранности.

Хоть «не шмог», однако к сегодняшнему дню на стихи Миши Гундарина у меня накопился самый внушительный по объёму корпус пародий. Ни на кого иного столько написанного нет. И, видимо, уже не будет. Впрочем, нет, запомято-

вал, на Виталия Пуханова, Санджара Янышева, Анну Шевченко и Айдара Хусаинова, пожалуй, не меньше. Надо будет как-нибудь на досуге подсчитать количество знаков и сопоставить одно с другим-третьим-десятым. И только после этой процедуры сделать научно обоснованный/верифицированный вывод.

Каждая моя пародия – на стих Миши целиком. Не на одну-две строки, не на трёх- или четверостишие, а именно на весь стих. Только в одном-единственном случае – на пару строк (и как раз этот случай – первая пародия в настоящем сборнике).

Не знаю, случилось ли в истории всемирной литературы, чтобы писались и потом томами публиковались пародии на конкретные стихи одного автора целиком. Ещё раз: пародия на полное стихотворение. Скорей всего всемирная литература подобного опыта не знала. Да и не важно, было такое или нет, теперь вот в любом случае оно есть. От скромности я не умру. Нет, весь я не умру. Во всяком случае пока не намереваюсь. А мои пародии будут жить вечно, пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит.

... Впрочем, понизим градус кипения и высоту полёта: поэт в России, конечно, больше, чем поэт, но пародист – всего лишь пародист.

Итак, отправляю Мишу Гундарина в вечность.

***

«Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например,

не читать их» (Рэй Брэдбери).

Как-то в разговоре мы с Мишей сошлись на том, что оба не любим дома наличие непрочитанных книг. Появилась непрочитанная – её тут же надо прочесть. Но всё равно, непрочитанных/нечитанных больше, чем прочитанных/читанных. Причём, чем больше читаешь, тем... вот тут так и хочется написать, что «тем больше хочется», но пишу иначе, хотя тоже предсказуемо: тем нечитанных становится всё больше и больше. То сам покупаешь впрок (уверяя себя, что вот-вот), то дарят и дарят, зная твои привычки и увлечения. Хорошо, что учебники химии в дар пока не преподносили.

К месту будь сказано: вот некий Петрушка из «Мёртвых душ»... «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно всё равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от неё бы не отказался. Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чёрт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепёшка...»

Петрушка содержанием книг не затруднялся, но мы-то затрудняемся!

Вот и тут на целую трилогию затруднились-загрузились.

И ещё: чем больше пишу пародий на Мишу, тем всё больше и больше становится его оригинальных стихов (пусть ими в прошлом сотворённых). Не успеваю, однако.

Стихи и пародии/ версификации/отклики

Пошто ты так тиранишь слово?

Михаил Гундарин

Цитата:

*«...Опять на языке вертится.
И мы на всё готовы, лишь бы
К утру домой не воротиться...»*

Владимир Буев

Чего ж вертётся, но готовы?
Потребно гóтовы, не меньше!
Или ворóтиться. Рисковы
Все ударения, милейший!
Спросил у автора: «Ну, как же?!
Пошто ты так тиранишь слово?!»
«Для шалости», – не ойкнув даже,
Ответил мягко, не сурово.
Вот был бы в детстве у поэта

Месье, за шалости бранивший,
Мораль вложивший бы в эстета
И в Летний сад гулять водивший,
То и писал поэт бы строго
И с чувством, с толком, с расстановкой,
Понятно даже бестолковым,
Таким, как я, без расшифровки.

Робинзоном я представился

Михаил Гундарин

Бескорыстные, бескостные
Дни моей простецкой страсти.
Мы с тобой вдвоём на острове,
А над островом ненастье.
Промокает наша хижина,
Попугай кричит сердито
О газоне неподстриженном,
О спокойствии забытом.
В бурной мгле не видно паруса,
Ни следа его, ни тени...
Сэкономил – так не жалуйся
На своё приобретение.
(Это в скобках, разумеется,
А на деле мы готовы,
Если всё опять изменится
В сотый раз начать по новой).

Владимир Буев

Робинзоном я представился
И на острове укрылся.

Прямо к хижине направился,
Над которой дым клубился.
Дождик шёл, я думал, Пятница
В виде девы обогреет.
Но живёт в халупе старица:
Свет не видывал страшнее.
За жильё предполагается
Приносить хозяйке плату,
Бартер тоже разрешается,
Потому не до бравады.
Море целый год свирепое.
Судна в дымке бирюзовой
Нет и нет. Старушка требует
В сотый раз начать по новой.

Полоска

Михаил Гундарин

ПАПИРОСЫ

Весь день шатался по проспектам,
Курил, зануда, папиросы,
Глазел, бездельник, на витрины,
Весь день я думал о тебе.
Жара и в городе, и в мире,
На всех часах +28,
Раскалены все телефоны,
И вот – кончается «Казбек».
И вот – картонные ворота
Под вечер выцветшего неба
Уже захлопнуты. И снова
Мы эту книгу не прочли.
И никуда не улетели,
Нигде не встретились – но где бы
Нам было встретиться на этой
Полоске выжженной земли?

Владимир Буев

ПОЛОСКА

Не для безделья в город вышел,
А чтобы в нём полоску выжечь.
И потому я зажигалку
И папиросы взял с собой.
Работа трудная, лихая:
Не бей лежачего, однако.
За день возможно умориться.
Но мне ль искать простых путей!
Отважный я, не убоюсь
Жары такой, что пот потоком.
В Сахаре – и того прохладней.
Айфон, как печка, жжёт ладонь.
Полоску выжег – получилось.
Теперь свободная тропинка.
Гулять вдвоём по ней мы можем.
Ты почему-то не пришла.

Что за жизнь!

Михаил Гундарин

тает снег на серебряном блюде
расплетая своё серебро
так бывает при сильной простуде
или если швырнуть на ребро
ледяную от счастья монету –
закружусь ли ничком упаду
заклиная любовь и победу
ускользая по новому льду

Владимир Буев

что за жизнь ну совсем не малина
то швырнут на ребро то пырнут
то гриппую а то и ангина
жить спокойно творцу не дают
а вот давеча я поскользнулся
и ко льду нос и лоб приложил
ларь Пандоры в тот миг распахнулся
...кто-то под ноги лёд подложил

В окна смотрю я твои: медведь!

Михаил Гундарин

Белый медведь твоего окна
Лапой закроет разбитый нос
Через полгода придёт весна
Но разумеется не всерьёз
Так бы нам петь да и петь скользья
По ускользящей в свой черёд
Маковке кованого гвоздя
Вбитого в шёлковый переплёт
Где за ударом опять удар
А безударные не в цене
Как и любой дорогой товар
На сохраненье отданный мне

Владимир Буев

В окна смотрю я твои: медведь!
Мама родная! Тебя задрал!
Слово даю, что не буду впредь
Зверя дарить. Я завязал.
Спросишь, не стану дарить кому?
Впрочем, не спросишь меня теперь.

Края нет горя моему.
Солнце моё, ты мне поверь.
Хоть не задашь уже вопрос.
Честно отвечу тебе и всем.
Быстрый ответ. Почти с колёс.
Врать не способен я совсем.
Вот отвечаю: дарить зверей
Хищных тебе не стану я.
К пассивам остальным добрей
Станет теперь душа моя.
Лучше не звери, а бокс мужской,
Где за ударом опять удар.
Души усопших упокой.
Пассивы – портящийся товар.

Мечты и грёзы

Михаил Гундарин

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ РОМАНС

Столбики сусликов, степь постепенная,
позднее детство в божбе и тоске...

Кто это смотрит, такая надменная,
В тонком колечке на левой руке?

Жизнь это, знаешь ли. Просто – без имени,
калий цианистый и забытьё
равно подходят... Смешно? Не брани меня –
так я впервые увидел её.

Только в запретном мерцает желанное,
только чужое достойно тоски.
Вот и потеряно самое главное:
просто колечко с холодной руки.

Владимир Буев

МЕЧТЫ И ГРЁЗЫ

Детство печально: игрушки чугунные,
ночью уснуть не дают грызуны.

В снах только девичьи станы подлунные
в окнах туманных, и то со спины.

Что эти станы, коль кольца из золота
блещут на пальцах у барышень всех!
Слюнки глотаю, как будто от голода.
Хочется этих, но также и тех!

То, что запретно, хоть в грёзах попробую.
(Яблок я, впрочем, сейчас не ловец).
Девы, ко мне вместе с высшею пробойю!
Ужас! Проснулся! Ни дев, ни колец.

Ночь мне Апокалипсис пророчит

Михаил Гундарин

БЕССОННИЦА

Не уснуть сегодня. Многошумный
мир идёт на дно.

Кто в ночном эфире пляшет,
как безумный?

Спать пора давно.

Я сегодня болен избыточной
жизнью этих стен.

Что сказать навстречу звёздной пыли,
что спросить взамен?

Черпай, черпай полными горстями
этот сладкий сон,
забивай железными гвоздями
чёрный телефон.

Забывай иголку в тёмном стоге,
вспоминай о ней,
как она уходит по дороге,
становясь видней.

Владимир Буев

Ночь мне Апокалипсис пророчит:
шумно, хоть убей.
Не идти навстречу этой
бурной ночи –
спеть навстречу ей.
Также ей навстречу помолиться,
Ей навстречу выпить и поесть.
Ей навстречу взять и вдрызг напиться.
Ей навстречу на диван присесть.
Ей навстречу я скажу о многом.
Ей навстречу многое спрошу.
Вдруг сообразит, что с педагогом
стоит повстречаться глупышу.
Звёздам я тогда взлечу навстречу
Или побегу в ночную синь.
Если поучусь, не покалечит
мой язык язык родных осин.

Показалось, что снег...

Михаил Гундарин

горек мартовский снег
и горчит портвейн
утонувшее дерево не всплывёт
в сердцевине чёрных его ветвей
запрещённая жизнь хорошо идёт
(я об этом узнал пару дней назад
возвращаясь ночью в ничейный дом
ковыляя по улицам наугад
вспоминая себя с трудом)

Владимир Буев

показалось, что снег –
и засунул в рот.
но опасность отсутствует – это мел
это ж надо нажраться так будто кот
впрочем кот в этом случае не у дел
(я об этом и раньше слышал от тех
кто как живность домашняя вдрызг пивал
на утеху себе впадая в грех
а потом по традиции ковылял).

То Люцифер, то Орландина

Михаил Гундарин

Осень под знаком «Орландины»,
Игры в дурака, лимонных корок.
Предчувствие войны и ангины,
Башмак прохудился и поднят ворот.
Всё обошлось. Изменились лица.
На новых ботинках – новая кожа...
Известно, что молодость повторится:
Разметит, вычислит, подытожит.

Владимир Буев

То Люцифер, то Орландина.
Глаза окосели, ног не чую.
Осенняя слякоть – вот вражина!
Монеты потратил все подчистую.
Не в чем ходить на работу нынче.
Босой – и в обуви новой нуждаюсь.
Старик – и поэтому стал я гибче:
Как сделал дело, уже не каюсь.

Амфибрахий, хорей и анапест таят тоску

Михаил Гундарин

Дактилически длиться / ямбически биться о
Повсеместное небо, рёбра его и грани,
Во Времена Империй было Большой Игрой,
А сегодня я просто иду в ларёк без названия,
Чтобы взять там бутылку белого, как снега
Той далёкой зимы, плюс золотые шпроты.
Это Солнце Атлантики, мёртвые берега,
Передышка во время Большой Работы!

Владимир Буев

Амфибрахий, хорей и анапест таят тоску,
Что имперское небо было для них закрыто.
Дактиль и ямб истерик ждали, а их к ларьку
Я сегодня отправил в отместку как фаворитов
Тех далёких времён, что растворились в прошлом.
Эта двойка теперь под латвийские шпроты
Пусть станцует изысканно, красиво, не пошло:
Исчерпалась на небо у пары квота.

Такая сильная любовь

Михаил Гундарин

Нелегко уходил – тяжелей вернулся.
Остальное – не повод для разговора.
Облака разбегаются в ритме пульса,
как хорошие люди от прокурора.
Можно стать таксистом, пойти в охрану,
повезёт раскрутиться – открыть «качалку»
Или просто видеть с большого крана
каждый день слева мэрию, справа свалку.
Уходил/увидел: одно и то же.
Даже звёзды в небе и те под током.
Он идёт по проволоке и коже
от моей вины до страны далёкой.

Владимир Буев

ТАКАЯ СИЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Облака разбегаются в ритме пульса –
позабыли кудрявые ритмы вальса.
Был я юным и гордым, но нынче сдулся.
На коленях приполз к тебе седовласым.
Коль не примешь обратно, то прокурору

я пожалуюсь. Он устроит взбучку.
Иль товарищу из ФСБ майору
пошепчу – он устроит тебе трясучку.
А не то напущу на тебя министра.
Озадачена? Хочешь спросить какого?
Государственных дел специалиста.
Сразу всех. Коль не выйдет, тогда любого.
Даже звёзды в небе – и те под током.
Это я за колючку их смог отправить.
Пусть побудут в неволе – тебе уроком
это станет. Люблю. К чему лукавить.

На голову болен

Михаил Гундарин

В рукав рок-н-ролла больной головой вперёд
засунута наша полночь, последняя на Земле.
Плётка затерта к чёрту, кто её оборвёт –
тому и крутить восьмёрки по бескрайней петле.
Молодость – это один на троих стакан,
меркнувшие осколки мелкой оптики дня,
беспечное небо, пошедшее по рукам,
право не быть сильней, обязанность обвинять.

Владимир Буев

На голову болен. Собрался уж помирать.
Последнюю ночь желаю напиться душой сполна.
Дьявол с какой-то плёнкой лезет напоминать
об аде: в руках петля. На то он и Сатана.
Старый я дядька. Исчерпан и мой ресурс.
Выпивка и закуска память в юность вернут.
И вот я огурчик, шаг чётков и верен курс
И не дождётесь вы, когда меня понесут!

Я всегда витаю по верхам

Михаил Гундарин

Ледяного озера ядро,
Завиток скалистого узора,
Сверху различимо как zero –
Ерунда для бдительного взора.
Если рухнуть рядом, как сосна,
То к нулю прибавишь единицу,
Вздорной арифметикой сполна
Напугав и ангела, и птицу.

Владимир Буев

Я всегда витаю по верхам.
Впрочем, нет, скачу, а не витаю.
С высоты (с грехом напополам)
По утрам окрестность озираю.
Выслежу прелестницу с небес
Зорким взором, хищный беркут словно,
И без лишних ласковых словес
Делаю добычей хладнокровно.

Если в паспорте фото

Михаил Гундарин

нелегко оставаться
одному в этом мире
где 12х9
или 3х4
но зато невозможно
одному не остаться
там где 10х10
или 30х20

Владимир Буев

если в паспорте фото,
всяк возьмёт и заглянет:
то заляпает снимок
то его подрумянит
коль портрет свой закажешь
и повесишь в гостиной
сможешь сам любоваться
ты осанкой орлиной

Коль чуждо оливье...

Михаил Гундарин

НОВОГОДНЕЕ

Мне этот оливье –
вообще чужое блюдо.
И всё ж привет семье,
невидимой отсюда.
Ещё или уже
они в 80-х
на верхнем этаже...
...В-четвертых или пятых,
не трогайте меня!
Себе оставьте сдачу!
Я сам остаток дня,
я сам себя потрачу.

Владимир Буев

Коль чуждо оливье,
ешь рыбу заливную.
Ты в явном меньшинстве.
Возьми семью любую,
увидишь, все едят

не только щи и репу:
под Новый год хотят
ещё чего-то к хлебу.
Бриоши и в Москве
на сдачу покупают.
...Покушай оливье –
от голода спасает.

Стою на сцене я, красавец хоть куда

Михаил Гундарин

Высоких этажей усталые огни
Как россыпь мелких бус не подлежат обмену
На деньги и вино, но именно они
Удачнее всего подсвечивают сцену,
Где пьяная Москва, вдыхая креозот
Безумного бомжа на грязной остановке,
То чиркнет коготком, то бодро нас лизнёт
Шершавым языком обшарпанной Покровки.
Грядущих катастроф дождливая тоска,
Провинции в огне, Калининский в тумане.
Бреду сквозь эту ночь, кончается доска,
Шажок – и я уже в заплатанном кармане
Единственной страны, на дружеском пиру
Всех павших и живых, том самом, знаменитом,
Где Неизвестный Дух нисходит на икру,
На сигареты Kent и солнце сверх лимита.

Владимир Буев

Стою на сцене я, красавец хоть куда.
Слепят мои глаза лучи любви софитов.

Теперь я на коне, сегодня я звезда
Внушительных размеров (крупных габаритов).
Москва у ног моих распластанной лежит.
Мизинца моего и то она не стоит.
Никто другой Москву, как я не покорит,
Хотя, как Долгорукий, может вновь построить.
И без софитов я собою озарю
Любые уголки ночных дорог московских.
Ни одному не смочь такое фонарю,
Хоть хочется им всем, уверен я, чертовски.
Я дух теперь. Парю над всеми сверху я.
И вот уже не дух – пророк, кто жжёт глаголом.
...Пусть и штаны задрав и громко вопия,
Я прежде бегал за советским комсомолом.

Хор мертвецов на погосте пел

Михаил Гундарин

Тёмных дворов – ледяных пучин –
мёртвые голоса.

Выключи свет, растворишься в ночи:
просто закрой глаза.

Каждому времени свой топор,
свой разбитый стакан.

Это они ведут разговор
все ночные века.

Владимир Буев

Хор мертвецов на погосте пел
песню, как вечна ночь.

Надо заканчивать беспредел:
прячу топор и прочь
пулей несусь, чтоб налить в стакан
то, что вернёт покой.

Эх, не удался с утра роман –
ночью теперь бухой.

Вот не умел пацан писать

Михаил Гундарин

ЛЕРМОНТОВ

сквозь тёмный лес тугих пружин
как яростно сияют эти
бессмысленные чертежи
слова на пыльном эполете
(...неправильные падежи,
зазря закинутые сети...)

Владимир Буев

вот не умел пацан писать
стихов хороших в позапрошлом
достойном веке, излагать
он мог бы лучше мысли. Пошло
в погонах на плечах блистать
коль в ямбах-дактилях не дошлый.

Духовные скрепы

Михаил Гундарин

СУМЕРКИ

Густеет свет, пустеет дом.
Преображённое пространство
Ещё печальнее, чем днём.
Но тем дороже постоянство
Сухих ветров и проливных,
Провинциальных разговоров.
Чем меньше места для двоих,
Тем тише речь и резче шорох.
Все жёстче и темнее цепь
Необходимого общенья.
Ты скажешь: «Тем достойней цель!»,
Но это в первом приближенье.
Быть первым здесь? Напрасный труд.
Лишь в сумерках возможно это.
Ты скажешь «Нас нигде не ждут».
Но разве я просил совета?

Владимир Буев

ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ

Уж очень странен этот дом,
Ведь дом любой наполнен к ночи.
Хоть на машинах, хоть пешком
Идут жильцы домой, короче.
А этот дом, как только свет
Густеть под вечер начинает,
Пустеет. Из плохих примет:
Как будто кладбищем воняет.
И правда: разговоров гул,
Но никого живьём не видно.
Вот призрак мимо прошмыгнул.
Да это ж ты, моя ехидна!
Все жёстче и темнее цепь
Необходимого общенья.
...Я где? Ужели это склеп
И скреп духовных завершенья?

Ту, кто касается плеч...

Михаил Гундарин

Так умирает свеча.
В городе пахнет дождём
Ночь моего плеча
Коснулась своим плечом.

Я уступил ей путь
И отступил назад
(Так теряется суть)
Кончился листопад.

Праздник мёртвых свечей!
В сумерках город тих.
О, я не знаю, чем
Ночь эта слаще других!

Владимир Буев

Ту, кто касается плеч,
Я рассмотреть не могу.
Ночь может нас увлечь,
Но мало ли: вдруг сбегу.

Шансы равны у ней
(Ночи или кого?).
Суть уплыла. Эгей!
Где же ты, существо?

Ночь на язык сладка.
Может, таки не ночь?
За́ ночь смогла рука
Воду в ступе столочь.

Коли тонешь сам, захвати других

Михаил Гундарин

Океан что берёза – зазря шумит,
Ни бананов, ни яблок – одни обиды,
Да сомнительных символов алфавит
За пределами честного алфавита.

Можно сетовать на неуклюжесть фраз,
Вавилонскую башню искать в пучине,
Но покуда он развлекает нас
Эту драм-машину никто не чинит.

В долгосрочной засаде таится речь,
Но однажды покажет свой стиль и норов –
Если нужно и вправду на дно увлечь,
Заклинанья полезнее уговоров.

Владимир Буев

Коли тонешь сам, захвати других.
Обхвати руками чужую шею.
Заклинанья – глупость людей таких,
Кто с утра до забора роет траншею.

Наконец открыт вековой секрет:
Вавилонской башни причина крушенья –
То ль в болоте построить издали декрет,
То ли в бездне морской по рацпредложению.

Хитромудра мысль – трёхэтажна речь:
Не поймёшь, где стиль, а где жанр фольклорный.
Но покуда рифм можно пуд напечь,
Драм-машина работает плодотворно.

Привык я утром двигать горизонт

Михаил Гундарин

Уже обозначается сезон
стеклом растительным, упрёком несерьёзным,
желанием подвинуть горизонт
к реке, кипящей дымом паровозным.
А мы стоим в раскрашенных полях –
скорее пешки, нежели комбайны,
а под ногами плоская земля,
лишившаяся памяти и тайны.
Я так хочу, чтоб третий кто-нибудь
нас вывел под испачканные тучи,
текущие, как вспененная ртуть,
над бедной головой ручьём горячим.

Владимир Буев

Привык я утром двигать горизонт
подальше от окна, чтоб не достать рукою.
В квартире у меня евроремонт,
поэтому хочу, чтоб стороною
любые воды или дым с огнём,
который от воды сырой исходит,

прошли иным проторенным путём.

С ума меня такие мысли сводят.

Схожу я в поле, чтобы окоём

Ещё подальше от греха задвинуть.

Я пешкой буду. Коли мы вдвоём,

Комбайном станешь. Третий в ртути сгинет.

Я заснул, и мне так хорошо

Михаил Гундарин

хорошо и на этой траве
хорошо и под этой травой
у потёртой судьбы в рукаве
спи спи спи не верти головой
если выкрутить винт ноября
из основы хороших вещей
можно выжить и не говоря
никого не касаясь совсем
стать темней самой темноты
ярче сна горячей огня
(разговоры его просты
он идёт увидеть меня)

Владимир Буев

я заснул и мне так хорошо
что могу проскользнуть под траву
я бываю во сне малышом
и бабайку порой зазову
сам в бабайку затем превращусь
и ноябрь в декабрь превращу

а уж если совсем увлекусь
то и винт в декабре отыщу
после этого стать темнотой
проще пареной репы мальцу
...жаль что в грёзах случается сбой
когда утро в лицо бьёт творцу

Смотреть с небес на землю просто

Михаил Гундарин

ЗАКАТ

На небе было всё иначе.
В толпе, печальной и пустой,
Лишь тот сумел понять, что значит
Смещение сомкнутых пластов,

Кто наблюдал без раздраженья,
Не как копеечный Нарцисс
Неправильное отраженье,
Но равнодушно, сверху вниз.

Движение было неприметным.
Дымилась тёплая купель,
И смятой пачкой сигаретной
День падал в пасмурную щель.

Владимир Буев

Смотреть с небес на землю просто,
Коль не простой ты человек.
Коль вышел ты не из компоста

И выбрал верный саундтрек.

С небес любая щель приметна.

И пасмурной не улизнуть.

Хозяйка думает: секретна.

Нет, чтоб на небо ей взглянуть!

Идёт Нарцисс. Отстань от дамы!

Мне сверху видно, так и знай!

Я был таким же, но не хамом.

... Чьё отраженье? Отгадай.

Хочешь открою секрет, чувак?

Михаил Гундарин

Здесь популярен особый спорт –
Танцы у ресторана.
Вот он и я: не последний сорт,
Но не герой романа.

(И уйду, не доев свой торт,
Не докурив кальяна).

Зря ты клянёшься восьмым числом –
В небе закат седьмого!
Осень лежит под моим столом,
Выдуманная, как слово.

Дальше фонарь, а за ним отъезд
В завтрашнее похмелье.
Кто там хотел перемены мест?
Кажется, все хотели.

Владимир Буев

Хочешь открою секрет, чувак?

Сортность бывает разной:
Третий – и этот сорт не брак.
Мука твоя напрасна.

(Если фантазию напряг,
Скрыть можно сортность классно).

Первая свежесть бывает, знай,
Только у осетрины.
Не напрягайся, благоухай
Третьей, крутой мужчина.

...Дальше аптека, а не фонарь
(Пусть и на улице оба).
Пятый ведь сорт – бенефициар
Этих аптек до гроба.

Я с апрелем живую беседу...

Михаил Гундарин

АПРЕЛЬ

1
Всё закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весной – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнера – козырную масть.

2
Архаичен, тяжеловесен,
Словно медный (типа) пятак
Тех поддельных советских весен,
Когда мы различали знак
То в железной брехне трамваев,
То в холодном движенье глаз...
Ты my Venus, o, you `re my fire...
Эта жизнь пропета про нас!

Владимир Буев

1.

Я с апрелем живую беседу,
Как с партнёром, на равных веду.
Он молчит, ибо авторитету
Возразить его нечего рту.
О апрель! Ты не верь наговорам,
Что сошёл я с ума, а мой слог
Уподобился глупым фразёрам.
Я с тобою веду диалог!

2.

Я грядущему интересен.
Потому сам гляжу вперёд.
Мир, упавший под ноги, пресен,
Коль Аврора меня не ждёт.
Что апрель! Он опять бездарен.
На трамвае уехал март.
Запою и скорей сафари,
Хоть не кот, объявляю старт.

Небольшой повтор

Михаил Гундарин

Всё закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весной – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнёра – козырную масть.

Владимир Буев

Бить опять меня бедного будешь?
Убегать от тебя я устал.
Снова к бегу сегодня понудишь,
Но догонишь, поставишь фингал.
Ты бубновый король или крести.
Я (в мечтах) скоро стану тузом
Или джокером. В тёмном подъезде
В гроб уложим тебя вшестером.

Коль рощу опрокинутой узрел...

Михаил Гундарин

Мы рощу увидели в первый раз
Вдоль речки разложенной, как салат,
как будто сквозь сон, услышав приказ,
она опрокинулась наугад

вот с этой скалы, где теперь стоит
ободранный куст, запылённый лист.
Его, без сомнения, посетит
дезориентированный турист.

А мы у реки развели с трудом
негромкий огонь, дорогой костёр,
слегка обогрелись и вот ведём
с ночными деревьями разговор.

Владимир Буев

Коль рощу опрокинутой узрел
в речную гладь, пугаться смысла нет.
Не рухнул мир, и ты не заболел.
Всего лишь отражения эффект.

Сиди себе под ней и пойд, и пей,
с деревьями общение затей,
на страх и отражения забей.
Но обдирать кусты, чувак, не смей!

Приказ? Да, это был такой приказ!
Не роще, а тебе, чувак бухой!
Ты тут один и от твоих проказ
Природа пострадала не впервой.

Когда поэт вступил в возрастную пору

Михаил Гундарин

знаменитый поэт после шестидесяти
перестал писать стихи
во время немногочисленных встреч с публикой
или редких интервью
на все вопросы о поэзии он болезненно кривится
и сразу же достает пачку фотографий
они всегда с ним в холщовой сумке
он стал фотохудожником-пейзажистом
все смотрят чтобы не обидеть
ничего особенного
леса поля холмы берега
камера плоховата да и снимки...
так банальны
что кажется будто, хвалясь,
он видит на них
что-то не видимое никому из нас
собственно, с его стихами было то же самое

Владимир Буев

когда поэт вступил в возрастную пору
его читатели вздохнули с облегчением
то есть свободно
а затем задышали полной грудью
и разбежались по своим квартирам и норам
чтобы найти себе нового кумира
вдыхая при этом о старом
ибо старый конь борозды не испортит
пусть творец и вышел в тираж давно
да ему и не надо было выходить самому
ибо и без него его тиражи
(даже если он сам ничего не писал
а писали литературные негры)
были миллионными
от его-не его произведений не было спасу
студентам филфаков литфаков и журфаков
на экзаменах...

Как надо делать

Михаил Гундарин

НОЧНОЙ СТОРОЖ

Каждую ночь я расставляю
в определенном порядке
на столе, покрытом клеёнкой,
кружку с чужим именем
электрический чайник
жестяную коробку с
чёрным как сапог крепчайшим листовым чаем.

Я намерен провести эту ночь правильно.

Не так, как всегда.

Много лет я обманывал, прятался, кроил надвое, притво-
рялся, сплетничал, кляузничал,

хитрил, увиливал, вывёртывался, изворачивался, мало-
душничал, преувеличивал

(О да, это особенно)

Я хочу измениться

Я хочу стать хорошим ночным сторожем себе самому

Всем вам

Миру вокруг

И тут я засыпаю (или просыпаюсь)

Затея сорвалась!

Ну, всё как обычно
Блин.

Владимир Буев

КАК НАДО ДЕЛАТЬ

Каждую ночь надо расставлять
безо всякого порядка
на столе, не важно, покрытом или нет,
не важно, чайник, кружку или коробку,
важно – чтобы оно было покрепче.
Ну, пусть это «покрепче»
будет закамouflировано под крепкий чай.

А если коньяк,
то его и камouflировать не надо,
он и без того коричневого цвета
(дилетант не разберёт оттенки и сорт коричневого).

Моё второе «я» уже прибыло и ждёт, чтобы я дал ему от-
вет.

Мол, дай ответ, птица-тройка!

Мне приятно, я ведь, и правда, есть сама Русь!

Впрочем, не так. Правильней иначе: о, Русь моя – жена
моя!

...Я несусь, меня несёт, меня понесло.

Хорошо, что не занесло... ну, вот и пронесло...
мимо поворота.

Я без затей, но со скрепами.

И у меня есть убежище,

Оно не последнее, хотя далеко и не первое –

это мой стол с содержимым на нём:

с крепкой жидкостью в ёмкости.

То ли сплю, а то ли в Инстаграме

Михаил Гундарин

Полночь ходит долгими кругами,
Тёмными, невидимыми нам,
Розовым вином и пирогами
Потчующим сонный Инстаграм.

Веселы в Москве крамольной зимы,
Горячи, румяны пироги.
Кажется, что мы неязвимы...

Но уже сужаются круги.

Владимир Буев

То ли сплю, а то ли в Инстаграме
Ночью засиделся я с вином.
Я в столичном душном фимиаме
Понимаю что-либо с трудом.

Пирогов поесть хотел – не дали
(А вина я сам себе налил).
Пироги в Москве жадюги жрали.

...Я же в грёзах мимо проходил.

На заборах прежде читал...

Михаил Гундарин

Кто-то главный перемолол
свет и тьму в таинственный алфавит.
Я собрал со страниц эту смесь, прочёл,
и узнал, что нам предстоит
наливаться влагой, как санный след,
погибать под ногами бегущих из
обречённого города.
Сотню лет
выходить во сне на карниз!

Владимир Буев

На заборах прежде читал,
А теперь выуживаю из книг.
Получаю оттуда сейчас сигнал:
На карниз, мол, ступай, старик;
Раз поэт, значит, место там тебе.
На карнизах не видел поэтов я.
Лишь больной покорится такой судьбе.
Средь поэтов нет дурачья.

Сон приснился страшный

Михаил Гундарин

Пушкарёв почти что поседел
как узнал, что дЕвица-душа
не спросясь сгоняла под обстрел
и домой вернулась не спеша.

Он сидит за кухонным столом,
лёд на сердце, голова в огне.
В мыслях то сиянье, то облом,
а душа мурлычет в стороне:

«Если этой ночью звездопад
просвистел на уровне виска,
значит, ты ни в чём не виноват
или чья-то дрогнула рука».

Владимир Буев

Сон приснился страшный, и душа
в пятки забралась у крепыша.
Выстрел гулко в грёзах прозвучал.
Впрочем, вряд ли в душу кто стрелял.

Если всё же это выстрел был
холостой, то душу он взбодрил!
Попугал и в душу наплевал –
Лучше повалил бы наповал.

– Пушкарёв, проснись, дружок! Ты что ж
на округу всю вопишь, дикарь?
Ночь давно прошла, а ты орёшь!
– Ночь в меня звездой стреляла, тварь.

Апокалипсис приключился

Михаил Гундарин

Мысленно сойдя с карусели,
Чувствуем: земля-то поката.
Метров сто прошли и присели,
Дальше нет нам хода, ребята.
Может, это ночь под ногами?
Мы там были, нынче в отъезде.
Затупившимися топорами
В лопухах ржавеют созвездья.
Мир да упокоится в этой
Чёрно-белой точке смещения
От неутомимого света
К полной остановке вращения!

Владимир Буев

Апокалипсис приключился:
Покатались на карусели,
Тут, однако, день завершился,
И мы поняли: нас нагрели.
Нас так долго на ней крутили,

Что в ночи сейчас оказались.
Нас с утра ещё не кормили,
Духом день весь святым питались.
Помирать пока рановато,
Есть ещё дела у нас дома.
Где вы, други? Куда вы, ребята?
...Разбежались все по знакомым.

Глубоких чувств и мыслей выдать хочется

Михаил Гундарин

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пушистый снег под фонарём вращается,
А жизнь как жизнь, она не прекращается

От снов, тяжёлой солью припорошенных,
От топота в сенях гостей непрошенных.

О чём тут говорить, когда всё сказано!
Мы жили вместе, прожили по-разному.

Оставь свои пустые обещания,
Осталось время только для прощания,

Да для снежинок, в воздухе ликующих,
Да для последних слов, для слов взыскующих.

Владимир Буев

Глубоких чувств и мыслей выдать хочется.
Фонарь и снег – фантазий бурных вольница.

Слова и фразы примут презентабельный
Объёмный вид во сне, но не рентабельный,

Когда размежишь веки, ночью взмокшие,
И туловище в явь втолкнёшь затёкшее.

Когда весь день и год позывы плакаться,
Хоть расставаясь, хоть встречаясь с матрицей.

Пушистый снег, фонарь, аптека, улица –
То ль песня на Руси, то ль Блок сутулится.

Прикрою забралом всё тело

Михаил Гундарин

ПРОВОДЫ ЗИМЫ

Сегодня откроем забрало,
прикроем тяжёлое тело.
Как долго зима умирала
и знать ничего не хотела!

Незнание – это привычка,
а знание – это засада.
У пьяных ломаются спички,
а трезвым огня и не надо.

На празднике нового леса,
растущего вровень с подошвой,
обнимемся без интереса,
расстанемся не заполошно.

Владимир Буев

Прикрою забралом всё тело.
Таковыми забрала бывают.
А тут и весна подоспела –

к угрозам зиме прибегает.

Хоть знай, хоть не знай – всё едино.

Привычка – такая ж засада.

Поможет одним медицина,
другим – только полымя ада.

Когда ты в стране лилипутов,
то лес – как газон травянистый.

У личностей разных статутов
пути по-иному тернисты.

Пересекаю я целое государство

Михаил Гундарин

Пятую ночь поют
пьяные пассажиры,
Голосящая дрянь подпалила вагон.
Слышать их не могу! Но знаешь,
ты заслужила,
я буду слушать тебя,
ты – мой русский шансон.

Тёплая хрипотца, молодость и отвага,
спрятанная в рукав
семихвостая плеть.
Елена Ваенга съест и Нагайну, и Нага –
тогда к нам спустится бог,
и мы перестанем петь.

Владимир Буев

Пересекаю я
целое государство,
Еду из одного конца в конец другой.
Вот если бы это было

моё законное царство,
Было бы мне наплевать,
что я стар и пора на покой.

Ностальгия мучает, выворачивает
наизнанку в юность.

Новые кумиры

Не мои, вагон трясёт, меня покачивает
и выворачивает.

...Кто не понял,
это была сатира.

Город в солнце, а мне до фени

Михаил Гундарин

Вот как город сегодня светел –
не напрасно вчера мы пили,
намотали немало петель
по Бульварному, обсудили
всё, что в наши попало лузы,
то есть сгнуло без ответа,
прокатились – и нет обузы...
Так кончается это лето.

.....

Притаилась под тротуаром
золотая засада-завязь.
Слишком многое брал задаром,
но оправдан и улыбаюсь.
Называю по новой моде
Музу сплетницей и подружкой.
В этом городе-огороде
говорю: не спеши, послушай,
что нам скажут немые корни
в этот самый обычный вечер.
Говорят, что надо упорней
пробиваться навстречу встрече.

И катиться шаром бильярдным –
молоком, обращённым в камень,
вдоль по улицам многорядным...
Мимо дела, под облаками.

Владимир Буев

Город в солнце, а мне до фени.
Знать, вчера я не газировки
Выпил литр, не заев пельменем,
В этой привокзальной столовке.
Я ведь там не один питался.
Кто-то рядом был, провокатор.
Смутно помню, что где-то шлялся,
Был в столице, как триумфатор.

.....

Всё мне сыпалось с неба даром,
Мягко стукая по макушке.
Или разным иным макарон
Приносило полезность тушке.
Муза тоже меня любила.
Что одна! Девять иль семёрка!
Но особо Эвтерпа чтила.
И Эрато... ух, фантазёрка!
Обратился я в шар бильярдный,
Белым камнем взлетел на небо.

Новый путь созда́л аванга́рдный:
Пусть не Млечный, а вид плацебо.
Всех нас вылечит летний вечер:
И меня, и тебя, и прочих.
...Где ж Эрато, кто обеспечит
Свежих дев, до меня охочих!

На юге пьянчуги

Михаил Гундарин

ВОСПОМИНАНИЯ О ПИОНЕРСКОМ ОЗЕРЕ

Вдоль пыльных предместий

Сквозь чахлые рощи

Идущие вместе

Туда где всё проще

Ты как сигарета

Во рту водоёма

Короткое лето

В квартале от дома

Горячее пиво

Азотная влага

Здесь вместо прилива

И архипелага

Задор хулигана

Бесстрашь пьянчуги

С осколком стакана

Мы тоже на Юге

Такие же страсти
И кровь на кастете
Такие же масти
На рваной газете

Объятья под сенью
Травы низкорослой
И жизнь к воскресенью
Покажется взрослой

Дорога обратно
Там те же и то же
Лишь новые пятна
Алеют на коже

Все смято и спето
Не выдаст секрета
Печальное это,
Прощальное лето

Владимир Буев

На юге пьянчуги
Других не бывает
Сбежали от выюги
И нас накрывает

Дурман алкогольный
Сейчас закурить бы
Дым струйкой фривольно
Рванул чтобы нитью

Чтоб в рожу кастетом
Кому-то вломили
По нраву эстетам
Не их чтобы били

Чтоб били эстетов
Других хулиганы
Они не поэты
Они графоманы

А мы – гениальны
В стихах и по жизни
Пройдём триумфально
За это и вспырснем

Обнимемся с волей
И с травами вволю
Костяшки в мозолях
Ура алкоголю

Не наши костяшки
И то слава богу
Припали к бумажкам
И пишем помногу

Про лето. Про зиму
Вчера мы писали
Намажемся гримом
Ведь мы не зассали

Владыка мира я

Михаил Гундарин

Я помню мира выгнутую спину,
Холмы его и сопки, всю картину
Неглаженной, тяжёлой простыни.
Мы здорово старались, расправляя
Родной пейзаж от края и до края
Ещё законопаченной страны.

Но в те года совсем иные цели
Имели мы в виду. И в самом деле,
Чего ж хотеть от юношей в цвету!
Припоминаю: я в крутой рубашке,
А ты в объятых Светки ли, Наташки,
Пересекаем тайную черту.

Под музыку хрустящих переборок.
Выпаривает жизнь бесцветный творог,
Распарывает собственные швы,
Готовя время водным процедурам –
А мы перемещаемся аллюром
Туда, где бродят молодые львы,

А стало быть, сюда. Увы – в пустыню!
Где я, разрезав персик или дыню
Вдруг нахожу – о Боже – изумруд,
Потерянный под островом Буяном
И выброшенный тёмным океаном,
Воспрянувшим на несколько минут!

Владимир Буев

Владыка мира я. Сижу на троне.
Передо мной валяются людишки
(Склонялись поначалу лишь в поклоне,
Но сдали через день у всех нервишки).
Я добр, но все они боятся крышки.
Я мир устрою всем и жизнь в законе.

Такой великий я не только нынче.
А в юности, пожалуй, был попрытче
И тоже планетарные имел
И цели, и задачи. Скажем прямо:
Я помогал демографам упрямо
И потому на девушек подсел.

Сижу на троне, озираю зорко
Поляну, ведь зудит моя подкорка:
А вдруг юнцы себя вообразят

Крутыми львами и захватят место:
Ну, мол, они пришли меня заместо.
Напрасно! Мне слегка за пятьдесят!

Пуста поляна. Все боятся гнева
Владыки мира... где же королевы?
Поляна – как пустыня, где песок.
Куда девались согнутые в страхе?
Где охи? И куда девались ахи?
...Проснулся, огляделся – пяточок.

Материю сожгу...

Михаил Гундарин

Я видел, как обугливался край
Узорчатой материи. «Гуд бай!» –
Я тихо молвил в графоманском стиле.
Как водится, по замыслу и честь,
Но замысел забыт. Теперь Бог весть,
Что мы с тобой так искренне любили

Тому назад лет десять. Нам предел
Уже положен. Голубь улетел
(Поспорим с популярною цитатой).
Что ж, коршуном ударься о траву,
Переметнись злодеем, наяву
Бессильным и ни в чём не виноватым.

Без всякого сомненья, трижды прав
Герой, что переделал свой Устав
В либретто Марлезонского балета.
Ему за это честь и благодать,
Но, знаешь, надоело танцевать,
Настало время требовать ответа.

И забывать полученный ответ,
И, совершив привычный пируэт,
Вновь отправляться к старой переправе,
Которой не бывало никогда,
Которая, как некая звезда,
Видна, и мы забыть её не вправе.

Владимир Буев

Материю сожгу, но вот стихи
Отдам лишь в руки вечности. Хи-хи.
Сжигают их в печах лишь «графомане».
Но нам, маститым, это не с руки:
Мы смотрим вдаль, мы – свет, мы – маяки.
Сжигать творенья?! Фига вам (в кармане)!

Синицу крепко я держу в руках
(Хотя журавль парит мой в облаках).
Голубку дряхлую держать не стану
(Тут с классиком извечный тоже спор),
Ведь не злодей я, хоть люблю хардкор.
Голубки юные желательны гурману.

Людовики Бурбоны танцевать
Любили даже больше, чем поспать.
Изящность Марлезонского балета

Была видна, когда плясал король,
Сыграв виллана и торговки роль –
Изысканность была Дюма воспета.

Забыто всё: длинноты и гротеск
Старинного балета. И бурлеск
Давно царит на сцене и в романе.
Не только в нашем, но в моём с другой:
Погасла ты – она горит звездой
И не вопит о дряхлом старикане.

Я выпускаю их в стих, пусть идут

Михаил Гундарин

РАССВЕТ НА БАЛТИЙСКОЙ

1.

Я смотрю из окна на трамвайную линию:
как стремится она обогнуть горизонт!
Как плавна эта сталь! Словно явь, словно сны мои
в эту ночь получившие верный дисконт.

Я его заслужил в пору мертвосонозона,
между ночью и ночью, в под-солнечной мгле.
Как упрашивал я, как же я урезонивал
равнодушную зелень усталых аллей!

Я просил этот мир ускользнуть от охранников,
от размноженных массово пристальных глаз.
О бессилие слов! О сладчайшая паника!
Но не видит никто то, что вижу сейчас –

ту же рошу (как будто бы нотная грамота
непонятна до слёз и до слёз хороша)...

Это, знаешь ли, просто охранная грамота,
за которую я не платил ни гроша.

2.

Подожди, не спеши. Я узнал тебя издали.
Это меркнувший голос случайных сирен
приближая рассвет, рассыпается искрами –
нам с тобою мучителен всякий размен.

Неразменна лишь ночь. Как её ни растрчивай,
не уменьшится перечень дивных даров.
Нам они суждены, и для нас предназначенный
час полночного счастья не требует слов.

Но я должен сказать, как медлительно падают
предпоследние звёзды, как тих их полёт,
как, бывало, прельстишься такую наградою,
а потом понимаешь – и это пройдёт.

Все проходит – и время, и даже безвременье.
Я скажу это всем – но тебе лишь, дружок,
прошепчу, что рождённых удачливым племенем,
нас хранит без упрёка раскосый божок.

Владимир Буев

1.

Я впускаю их в стих, пусть идут, не препятствую.

Рельсы ночью во сне блещут, как серебро.
Но подспудно зудит, как свершить спекуляцию?
Ведь купил по дешёвке всё это добро.

РЖД предложить ли? Депо ли трамвайному?
Там сидят олигархи и пият бабло.
Человеку обычному, с виду нормальному
не предложишь подобного (ведь запахло).

Мне ещё ярлыка захотелось бесплатного –
Того ханского, пайцза которого суть.
Золотого. Загнал бы его, вероятно, я
По стократной цене, не смутившись ничуть.

Как прожорливы эти владельцы ликвидности.
Всё хотят задарма у меня отобрать.
Я аллеям молюсь, словно клон первобытности:
Фетишизм часто может поэта спасать.

2.

Погоди, не спеши, я узнал тебя, девушка.
И не девушка ты, ибо я Одиссей.
Ты старушка-сирена, ищи себе дедушку
Я себе поищу раз в десяток свежей.

Если ночь, что поделать, деваться мне некуда:

Подходи, не тушуйся. Что гнал, позабудь.
Я тебя обозвал старой дряхлой молекулой?
Я ошибся, бывает. Показывай грудь!

То, что вижу, не катит. Молись-ка раскосому
Ты божку племенному без рта и зубов.
Я с моими богемными суперзапросами
Поступиться вселенной (в уме) не готов.

Подарю я планете такие открытия,
О которых лет двести никто б не узнал.
Кто заплатит за всё? Ведь за рельсы субсидию
Мне никто даже издали не показал.

Ночью полной с синицей возился

Михаил Гундарин

ДЕКАБРЬ

Всё свершилось. Прощание длится
Как положено – ночь напролёт.
На подушке осталась ресница,
Улетает обратно синица
И меня за собой не зовёт.

Да и стоит ли? Новой любовью
Нас порадует новый январь.
Доверяя простому присловью
Спи, а я положу в изголовье
Самодельный резной календарь.

Золотым там помечены даты
Новолуния и Рождества,
Чёрным – дни предстоящей утраты...
Ты забудешь её, как смогла ты
Позабыть, что такое слова.

Вспомнишь после. А нынче – ни звука
В оглушительной тьме декабря!

И молчание это – порука,
Что усвоена нами наука
Расставаться легко и не зря.

Философия Нового года
Такова, что сегодняшний сон
Значит больше, чем просто свобода,
Чем ритмический взмах эпизода –
Мы опять у начала времён!

Владимир Буев

Ночью полной с синицей возился.
Хоть журавль у кровати стоял.
Да, не в небе летал и не снился,
На меня и синицу косился,
От синицы меня отвлекал.

В январе этот финт приключился
(Люты стужи январские в ночь!)
Утром я к журавлю обратился –
Он сквозь щели в окно просочился,
Не желая синице помочь.

Но помог! Ведь когда на синицу
Я вниманье опять обратил,

Нет синицы! Однако ресница
На подушке осталась от птицы.
Так открытие я совершил.

Был поэт и философ доньше –
И в момент орнитологом стал.
Толку нету в пустой писанине,
А наука о птицах – твердыня,
Всем пернатым в ресницах сигнал.

Вот задумался крепко и репу
Я в январскую ночь зачесал.
Что хочу я: журавль чтобы с неба
Прилетел (не духовная скрепа!)
Иль синиц чтоб полк в руки попал?

О муках нечеловеческих

Михаил Гундарин

НОЧНЫЕ УЛИЦЫ

Возвращаясь под утро с разбитым лицом,
Сам себе я не раз представлялся ларцом,
Пострадавшим от грубого взлома,
Проигравшего войска последним гонцом,
Но не мужем-отцом, не глупцом-подлецом,
Где был я, там нет места другому.

Есть на улицах города смерть-фонари,
Они светят снаружи, видны изнутри.
Где их крылья и в чём их победа?
Кто под ними живёт, тот уже не живёт,
Он – слоистая грязь, он – коричневый лёд,
А я тот, кто про это проведал.

Уголок-переулок ведёт под откос,
Под одну из изогнутых в танце берёз –
Лишь ползком эту плешь одолеешь.
Ну а если срастаются ухо и глаз,
Если в каждом подъезде не спит Фантомас,
Не спеши – всё равно не успеешь.

Есть такие квартиры за каждым углом –
поневоле простишься с нетвёрдым умом
попадая в холодные руки.

Есть такие кафе, где сияющий яд
нам предложат задёшево – вены вскипят,
но и это не главные муки.

Не хочу умирать, но мечтаю не быть,
Оборвать навсегда эту крепкую нить,
Что меня столько раз выводила
Из колючих кустов к освещённым домам,
Собирала в единое брошенный хлам.
Но иссякнет и ясная сила.

Травяной да этиловый правильный рай,
Поскорее в запретное дверь отворяй,
Я стою на высоком пороге,
Я плыву, не дыша, среди лунных морей,
Млечный путь пополняется каплей моей,
И смеются довольные боги.

Владимир Буев

О МУКАХ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Обожаю, когда мне ночами лицо

Разбивает десяток лихих молодцов.
Я тогда ощущаю блаженство.
Не махая руками, себя я бойцом
Представляю, по факту являясь творцом
И поэтом-певцом совершенства.

Я ларец, где таятся все боли земли.
Коль не хочешь признать, то подальше вали.
Закрывая глаза, вспоминаю,
Как фонарь городской осветил молодцов,
Всей гурьбой появившихся из-за кустов.
В этот миг как в нирвану впадаю.

Вот фонарь надо мной, и на мне фонари.
Как же круто лупасили, чёрт побери!
На лице моём света источник!
Я страдаю за всех, кто ночами пешком
Не гуляет, лежит на кровати ничком
(То есть спит – дескать, это подстрочник).

Есть на улицах города смерть-фонари,
Они светят снаружи, видны изнутри.
Чтоб страдать, надо шлаться под ними.
Пацаны там шальные, впадая в экстаз,
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз
Надают кулаками своими.

Пусть смеются довольные боги гурьбой –
Многобожия время ушло на покой.
А смеётся лишь тот, кто последним
Засмеётся, пожертвовав смело собой
И за род, пусть и грешный, страдая людской.
Се ля ви (не мечты и не бредни)!

Я страдаю за всех, потому не умру.
Вы ведь знаете, кто я – не просто гуру.
Вам заветная лира напомнит,
Как спущусь я на землю и всех накормлю,
Напою, исцелю, кой-кого оживлю.
...Мне б в подъезд свой войти, слишком тёмный.

Творения

Михаил Гундарин

РОЗЫ

Роза X

Легче выдумать слово, чем самый простой цветок.
В прошлой жизни такое бывало, а в этой – стоп.
Разговор не о снах, потому что какой в них прок?
Не сравнится с живой водою густой сироп.
Впрочем, как рассказал мне один аптечный ковбой,
полстандарта лекарства X позволяет всем
выбирать для своих работ инструмент любой,
оперировать множеством сложных схем.
Ну так что же с того? Предположим огромный дом,
миллион освещённых окон, открытых вдруг.
Все они нам видны, только кто объяснит, в каком
превращаются в розу желание и испуг.

Владимир Буев

ТВОРЕНИЯ

Творение X

Породить проще детку творцу, чем создать шедевр.
Раньше стряпал шедевры, бывало, на раз-два-три.

Совершишь наяву (или в снах) обходной манёвр –
и готово творенье, способное взять гран-при.
Если б только аптечный ковбой не испортил фон,
Если б этот наркоша смог промолчать тогда,
то имел бы я титул любой: пусть не наркобарон,
но маркизом в стихах стал бы я без труда.
Целый мир мне открыт. Только где же найти ключи
от замка, что всецело целый, но в нём секрет?
Там таятся поэзии тайны – мои харчи.
Отопру, и шедевры по новой польются в свет.

Михаил Гундарин

Роза У

«Навсегда» начинается заново ровно в пять,
скорый поезд отходит, крепчает казённый чай.
Мы не знаем, да нам и не нужно знать,
отчего эта кровь так печальна и горяча.
Я раздвинул все лепестки, один за другим,
Обнажая развилку игрека, нежный ствол,
что дрожит под моей ладонью, но неуязвим
остаётся в конце концов, ледяной глагол.
Лёд и пламень ещё сплетутся в простом цветке
на обочине всех путей, что отвергли мы,
потерявшись... как два кольца на одной руке,
расплетясь наподобие бахромы...

Владимир Буев

Творение Y

«Навсегда» – это всё-таки не на часок-другой.
Это значит хотя бы на месяц, а может, год.
Мы в горячке, настрой у нас боевой.
Нас вперёд то труба, то горнист зовёт.
Мы легли и тут же творить принялись этюд.
Из этюда вдогонку явится полный успех.
Обхватив натуру руками, как свирепый спрут,
я, как Змей, все зубы вонзил то ль в доспех, то ль в мех.
Я умею сплести косу из простых цветков:
изо льда и из пламени, что в себе смешал.
На планете не существует таких стихов,
о которых бы я по ночам ни мечтал.

Михаил Гундарин

Роза Z

Эта роза дурна, а другая как сталь цветёт.
В каталоге соблазнов отыщешь её на «Z».
Восемнадцать шипов, проникающих в переплёт
изнутри, разумеется, а не снаружи, нет.
Времена позитивных метафор стоят столбом,
между ними натянут провод, но ток иссяк.

То, что было запретной конструкцией и гербом
на ограду теперь сгодится, а видеть знак
в зацветающем посохе ржавых труб
просто глупо, но хочется, чёрт возьми,
как хотелось когда-то коснуться любимых губ...
Что поделать, мы были тогда детьми.

Владимир Буев

Творение Z

Я придам изошрённость и страсть своему стиху
Заиграет он яркими чувствами, как огонь.
Кто пародии пишет, умеет молоть чепуху.
Но коль ты пародист, то не бойся, меня распатронь.
Позитив с негативом меняются местом враз.
И метафоры скачут, как черти, туда-сюда.
Им бы жару задать, пока не прошёл экстаз.
Пародист, почему в твоих рифмах одна руда?
Детский юмор с сатиркой негоже сюда тащить.
Все мы были детьми и потом снова станет так.
Старики – малыши. Их губами нельзя дразнить.
Как метафоры, их тоже ждёт катафалк.

Мечь

Михаил Гундарин

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Что нам делать со Вселенной ледяной,
с тёмной зеленью, щекочущей виски?
...Я бывал, хотя проездом и давно,
в твоём городе на краешке реки.

Я не помню в нём ни улиц, ни домов,
но забуду ли ту полночь в ноябре
и сержанта по фамилии Попов
(или Папин) с бутербродом в кобуре.

Он достал его и, голову склоня,
стал жевать свою ночную колбасу,
укоризненно взирая на меня,
злого, грязного, худого, как барсук.

В отделении порядок и покой,
а на трассе – дождь и ветер мне в лицо.
И сержант Попов, покончив с колбасой,
чистить принялся варёное яйцо.

Документы не в порядке, и рюкзак
подозрительными зельями набит...
Я засыпался, попался, как дурак!
А сержант сказал: «Давай-ка без обид.

Хочешь – сядешь в обезьянник, где как раз
все на свете облевали алкаши.
А не хочешь – отпущу, заехав в глаз.
Хоть разок, но, обещаю, от души.»

Я простил его, бредя по мостовой
злого города, пустого, как карман,
молча двигая раздувшейся щекой,
о дальнейшем догадаешься сама.

...Нынче лето на 12000 миль.
Мы с тобою догуляем до утра,
а на завтра я уеду, извини,
я – легчайшая из мыслимых утрат.

Потому что всё кончается на у,
даже если начинается на а.
Ловит радио случайную волну,
слушай музыку, кружится голова!

Владимир Буев

МЕСТЬ

Вот раскинулась Вселенная без дел.
Что-то мы с тобою сделать с ней должны.
...Я готов сформировать разведотдел
и заслать тебя разведать со спины.

Но не так, чтобы от края до низин,
а глазами визуально и без рук.
Остальное я смогу как господин
сам проделать через сутки без натуг.

Мой разведчик, покатав свои шары,
всех ментов, как тузик грелку, разорвёт.
Бутербродами заест из кобуры
и меня на свято место позовёт.

Чтоб не стала бы твоя постель пустой,
где сержант изголодавшийся Попов
(или Панин), вечно страстный и бухой
поедал свой бутерброд, как Иванов –

Чтоб кровать не оскудела у тебя
после дурней этих двух иль даже трёх,
я приду и дальше нежно, не грубя,
замену весь батальон ментов-придох.

Будут знать, как документы проверять
и как зелье у народа отбирать,
как поэтов в обезьянники сажать,
где облёвано и негде полежать.

Я не тот, прощает кто тупым ментам
(полицейскими назвали нынче их).
Нам, конкретным и реальным пацанам,
если бить, так полагается по дых.

Я и быю ментов духовно, как боксёр,
взгромоздившись на всю ночь в твою постель.
А могли бы тусоваться у озёр,
Соловьиною подслушивая трель.

...Вот Вселенная уже и при делах.
Смыслом жизнь теперь наполнилась моя.
Пусть живу сюжетом этим только в снах,
серым будням стойко противостоя.

Опять подшофе

Михаил Гундарин

ПОЭТ

Всё решено, чего искать –
Какую твердь, какую мать?
Ты властен слишком над немногим!
Ты лишь приёмщик телеграмм –
Сигнал идёт по проводам,
Восходит солнце на Востоке.

Ты посылаешь цепкий взор
Туда, где вечно длится спор,
Откуда смертным нет возврата.
Он – возвращается, зазря,
Как пьяный, мелочью соря
По промежуткам циферблата.

Тебе и это не беда!
Сквозь дом текущая вода
Имеет вид и вкус мадеры.
На пыльном зеркале сперва
Шальные пишутся слова,
А после пахнет жжёной серой.

Ты в заколдованном кольце,
Как будто в каменном венце
Преображённой параллели.
Здесь ночью снег идёт, а днём
Сидят герои за столом
И Пан играет на свирели.

Пиши, пока не гаснет свет,
Пока хватает сигарет,
Пока наставший день по-птичьи
Картавит, свищет и поёт,
Попеременно предстаёт
В семи ликующих обличьях!

Владимир Буев

ОПЯТЬ ПОДШОФЕ

То ль я никто, то ль проводник
Господней воли. Напрямик
Никто мне этого не скажет.
Скрывают инфу от меня
И чужаки, и вся родня.
Господь их всех потом накажет.

Смотрю на время. На часы.

И в небеса хоть голоси –
На циферблате кучки сора.
Загажен кем-то циферблат.
Какой мог сделать это гад!
Ан нет, там мелочь. Вот умора!

Но соберу я медяки.
Так будет честно, по-мужски.
Карман они мне не оттянут.
Всевышний в дар на чёрный день
Вручил мне эту дребедень.
Быть может, и рубли нагрянут.

О вечном говорить пора.
Бог вроде подмигнул с утра.
Но почему так пахнет серой?
Не просто пахнет – вонь стоит
Такая, что в носу першит.
Нельзя так портить атмосферу.

То ль семь, то ль девять муз со мной.
А может, Пан иль Фавн с трубой.
Но с точки зренья христианства
Всё это черти как один,
А я почтенный христьянин.
...Пора трезветь – сражение пьянству!

Рискованная прогулка

Михаил Гундарин

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Остыла в чашке ртуть
Легла косая тень
На мой обратный путь
В непоправимый день
Мне сказано: забудь,
Весёлое надень

Но я туда пойду
Через прохладный сад
Предчувствуя беду
Как 20 лет назад
Как яблоки в саду
Созвездия висят

О звёздный кальвадос!
Желанный алкоголь!
Мне нужен твой наркоз
Чтобы усилить боль
Чтобы в крови мороз
И на глазницах соль

Ночное воровство
Порожня руда
Не признаёт родство
Вчерашняя звезда
Прошедшее мертво
И это не беда

Но был же этот день
А после был закат
Невидимая тень
И ночь и дом и сад

И жёсткий как кремь
Холодный звездопад

Владимир Буев

РИСКОВАННАЯ ПРОГУЛКА

Сказали строго: цыц!
Я хвост свой и поджал.
Не ведает границ
Вон тот крутой амбал,
Главарь толпы тупиц,
Бандит и экстремал.

Вот если б я рискнул
Стать спринтером сейчас,
То в сад бы сиганул,
Однако пыл угас,
Как взгляд в меня метнул
Дворовый папуас.

О сад! Каким ты был
Ночами! О луна!
Божественный посыл!
И что теперь? Хана?
В саду стихи творил
При звёздах я без сна.

Всегда меня спасал
Ночами этот сад.
И вот те на – провал!
Что от меня хотят?
Под дых и в глаз. Фингал.
И снова слышу мат.

В глазах моих искрит.
Ну, чистый звездопад!
Давно я не был бит
За свой великий вклад
В поэзию...

...Кульбит.

Вдруг слышу:

– Вот что, брат,

Коль жизнь не тяготит,

Не тронь моих девчат.

И петь им... – тут рычит –

Не надо серенад.

Заляжем-ка давай неважно где с тобой

Михаил Гундарин

РОМАНСЫ ВДОГОНКУ

1.

Теперь нам нужно лечь под полог новых звёзд,
и делать не любовь, а всё-таки свободу.

Соляжкой пахнет ночь. Мы станем жить всерьёз
механике назло, грядущему в угоду.

Пускай в сырой листве, во тьме ржавеет жизнь,
пусть вялый механизм едва колышет сферу –
ну что нам до чужих? Их дело ночь и жечь,
а наше дело – сметь, и наша вера – вера.

Мы раз и навсегда, как этот звёздный лес.

Я люпус – ты люпин, я степь – а ты предместье.

Так посмотри в окно: ты видишь, страх исчез,
весна замкнула круг, пока мы были вместе.

2.

Гром да гром. Полотенце на дачной веранде
Промокает до нитки, а нам всё равно.

Целый день мы сплетались,
подобно гирлянде,

А теперь расплелись и упали на дно.

Оттого-то над нами тяжёлые воды,
А над ними – бессильного солнца зрачок.
Время летних дождей, самой лучшей погоды,
Когда всё так нечаянно и горячо.
Чтобы так и казалось, нам нужно расстаться –
Пусть подольше продлится невинный обман,
И никто не увидит сырых декораций,
И того, кто за сценой стучит в барабан!

3.

Ты устала, я тоже устал,
Новый день не несёт исцеленья.
Помутился июльский кристалл,
Жизнь крошится, как будто печенье.
Не стряхнуть эти крошки в ладонь,
Не скормить их на улицах птицам.
Что ещё? Угасает огонь,
Перевёрнута наша страница.
Посвежей-то метафоры нет?
Ничего уже нет, дорогая!
Только августовский полусвет,
Но и он догорит, полагаю.

4.

Мы виделись – давно. Блистающая даль
Ударит по глазам, но слёзы не прольются.
А может, всё не так – ведь за окном февраль.
Сметая со стола, зима разбила блюдце.

Осколок ледяной, пронзающий зрачок,
Напомнит о твоей забаве и привычке –
Сосульки обрывать, потом, собрав пучок,
Ломать их по одной, как я ломаю спички.
Не этим ли огнём зажжён весенний свет,
Которым ты и я по-разному довольны:
Ты – не сказала «да», я – не услышал «нет».
Мы виделись давно... И никому не больно!

Владимир Буев

1.
Заляжем-ка давай неважно где с тобой.
И оторвёмся так, как будто сто Бастилий
однажды пали, ведь волной очередной
тебя влечёт ко мне без всяческих насилий.
Пускай в сырой листве, пусть мокрой будешь ты,
Хоть будет взор уткнут мой в землю, твой – на небо.
Ведь главное – душа, грядущее, мечты.
И вера заодно. Да, Вера – тоже скрепа.
Весною я такой. Не бойся, не проси.
Мы Веру прогонять в леса и степь не станем.
Встроём – ништяк. Ведь я – король, а две ферзи
свободы придают: коль рядом, ураганим.

2.
Испугать нас с тобою грозой невозможно.

Мы отваги полны, как окрестность – воды.
По тебе я с утра, словно по бездорожью,
Неустанно гоняю. Твоей борозды
До краёв не наполнит тропический ливень –
Иссушить и палящему солнцу не смочь.
Как бы ни был вынослив я и креативен,
Ночь, пожалуй, уже не смогу превозмочь.
Я романтик и ночью обследую небо.
Пусть подольше продлится невинный обман.
Если лечит поэта простое плацебо,
Барабан пусть заменит собою орган.

3.

Эх, была ни была! Полетим
В никуда. Вот июль уж в забвенье.
Мы как птицы над морем кружим.
Наслаждение? Нет же! Мученье!
Всё несвеже и затхло кругом.
Ты ведь знаешь, моя дорогая,
Что мы тоже когда-то помрём?
Потому я и не умолкаю.
И про август тебе расскажу,
И про свет, что сгорит без остатка.
В миражи и тебя погружу,
И себя. Не умею быть кратким.

4.

Давай грустить вдвоём. Вдвоём легка печаль.

Давить из глаз слезу сегодня я не буду.
А ты дави давай, ведь за окном февраль.
Зима, спеша от нас, нещадно бьёт посуду.
Убыток и разор. Осколки на полу.
А может, не февраль, а ты посуду била?
Приду к тебе домой, с собой бензопилу
На случай прихватив, как ты меня учила.
Я спичку запалю. Подумав, потушу.
Я лучше коробок весь спичек разломаю.
...Я понял, что с тобой нет места барышу.
А да иль нет – плевать. Я ночью угадаю.

Молодым – молодое!

Михаил Гундарин

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Паулю Госсену

I

Над твоим теремком разноцветный дым.
В сенках шею сломаешь, да словишь кайф.
Ключевая фраза здесь: молодым
Молодое. Для рифмы добавим rifle.

Все одеты в ружья, любой – патрон.
Тот, кто в облаке, вправе спустить курок.
Невозможное брызжет со всех сторон,
Невозможнее – между строк.

Нынче вспомнить об этом – как будто тень
Свою сдать в химчистку. Ей страшно там,
Износившейся, как ремень
Упомянутых джинсов, что тоже – хлам.

II

Если вправду над нами пустой эфир,

Сохраняющий всё ледяной архив,
Не портвейн он по плотности, но кефир,
И попавший в него поневоле жив.

Хочешь встретиться с телом, погрязшим здесь –
Спиритический, что ли, купи трельяж.
Перед тем, как увидеть, используй смесь –
Обнаружишь одну из своих пропаж

Похудевшей на дюжину килограмм.
Имена не важны, ибо случай прост –
Ты выходишь из рамок, а он – из рам,
Беспокойный юноша в полный рост.

III

«Каково во льдах?» «Да пошёл ты на х.,
Провисевший жизнь чебурашкин мех».
Этот правильный голос в любых мирах
Вразумляет заблудших всех,

Возвращает сюда, где накрытый стол
И компания за столом
Будет петь о том, кто себя нашёл
И не думает о другом.

Но я вновь о времени главных книг,

Повидавших всё небольших квартир.
Где герои прикусывали язык,
Мы – ловили в сеть, рифмовали мир

IV

В полутёмных подъездах. Ты помнишь, нет,
Говоривших «да» в неурочный час?
Милицейский патруль или прошлых лет
Саблезубая сволочь настигла нас.

Я об этом писал много раз подряд,
Снегом слов набивая привычный рот.
А сегодня, оглядываясь назад,
Говорю, что пора вперёд.

Только новое вправе так тратить речь
И выплескивать лишнюю кровь из ран.
На халяву данного – не беречь,
Под любую ночь подставляя стакан.

V

Было музыкой, музыкой, стало тьмой,
Золотого похмелья четвёртым днём.
Так давай ещё по одной,
Отправляясь своим путём.

Расходясь по своим путям,
Уточнишь ты – и вправду так.
Возвращайся к своим гостям,
Объясняй им и этот знак.

Он в последнем автобусе, носом в снег,
В новогоднем безумии городском,
Где случайный старится человек
В вечность, думал, в ночь, оказалось – в дом.

Владимир Буев

I
Молодым – молодое! И так всегда!
Что же дедам нам делать? Опять почёт?
Где везде дорога (хоть иногда)?
Тут для рифмы: потомок опять пошлёт.

Все патроны в помятых джинсах – хлам!
Холостые – им лишь в облака стрелять.
Разбежались патроны по небесам.
Тут так рифмою хочется всех пронять!

Но не буду. Итак, разноцветный дым
Над твоим теремком. Пацану то в кайф.
Как же молод я, парни, а молодым

Не сбежать тут никак от рифмы rifle.

II

Я живу поневоле, попав в кефир.
А хотелось портвейна на посошок.
Выбрал верно я свой ориентир.
А для рифмы к кефиру – творожок.

Накурись и почувешь: как входят в раж
Обе сущности: тело, а с ним – душа.
Осторожнее! Выйдут они в тираж,
Коль без меры. Тут рифму проела ржа.

Поль Гоген или Пауль Госсен? Вдвоём
Фантастически выбились из среды.
Мы обоих пошлём... или нет! Призовём!
Рифма тут в самый раз: призовём куды?

III

Рифмовать мы умели мир всегда.
И поныне рифмуем, коль есть коньяк.
Нам любой позавидует тамада.
Вот и рифма: до смерти всё будет так.

И хорошая закуска нужна во льдах.
Посиделки – не то, если нет еды.

Без вина и еды – это жизнь впопыхах:
Ни туды, ни сюды, как и без воды.

А поели и выпили, почитать
Мы горазды и классиков, и фигну.
В состоянии этом рифмовать
Мы и сами способны... тут я стемню.

IV

Я с подъездом могу разговор вести.
Все подъезды, как выпью, мои друзья.
Мы – поэты! А всем остальным – ползти!
Впрочем, ползал и я от питания.

Милицейский патруль меня хватал,
Отбирал у меня коньяк с вином.
Нас, поэтов, застенок не сломал.
Возвращались в подъезды мы вновь бегом.

Из подъездов на небо легко взлетать
И с любою ночью поговорить.
Где стакан? Без него тяжело дышать.
И без рифмы ни дня не могу прожить.

V

Мы, поэты, думаем рифмами.

Мы рифмуем всё, что в мозги влетит.
Наша жизнь несчастная с цифрами
Не сложилась. Рифма зато рулит.

А уж коль напьёмся мы вдрабадан,
И башка́ми небо пробьём насквозь,
Не один сумеем в стихах роман
Написать на пару и даже врозь.

Носом роем землю и пашем снег.
Даже пол в квартире смогли вспахать.
Слава богу, дома, нашли ночлег.
А для рифмы деву б ещё... поймать.

Если мнится, что бог...

Михаил Гундарин

ПРАЗДНИКИ

описательная поэма

*Авось приманенная радость
ещё заглянет в угол наш.*

Боратынский

1.

Оксиген ищет путь. Его речь крепка.
Голос мёрзнущей мышцы. Начало сна.
По-над берегом россыпью облака,
Значит, если захочешь, взойдёт луна.
Я люблю этот залп небольших светил,
эту музыку гаснущих полусфер,
эти танцы для тех, кто всегда бескрыл,
но сегодня выпался – и взлетел.
И на Ленинских, и на ничьих горах,
и на том перекрёстке, где острый нож,
всё летает светящийся певчий прах,
максимально размноженный медный грош.
Что подставить ему как пустой карман?
То ли глаз, то ли ухо... А вот ещё:
говорят, будет выстроен балаган,

и вошедший в него – навсегда прощён.

2.

Лету – летнее, осени – всё подряд.

Что споёт августовский простой песок
мы узнаем, когда повернём назад.

А покуда, от солнца наискосок,
здравствуй, книга такого большого дня,
где зелёный да жёлтый поверх всего!

Где отважный купальщик смешит меня,
а тебя вдохновляет задор его.

Вместо имени – пляжная дребедень.

Вот комар опускается, как орёл,
но находит не печень, а только тень,
от огня, что и так далеко увёл,
но не в сторону сердца, а взад-вперёд,
за гантелями для тренировки рук,
за рублём на покупку шипучих вод,
открывая которые слышишь звук.

3.

Три поэмы выходят в один тираж.

Но не время рассчитывать на успех –
добродушный читатель, мучитель наш
делит праздничный свой пирожок на всех,
оставляя кусочек на чёрный день,
одевая оставшимся невпопад...

Но довольно того, что ему не лень

под бумажным дождём принимать парад.
Мы и сами закуска, фисташки-dry,
(для надёжности можно добавить бром).

Между этими судьбами выбирай,
допиши до конца и взмахни платком.

До свидания, волны текучих лун,
коридоры, сверлящие небеса!

Как ни строй календарь, каждый раз канун
обгоняет начало на полчаса.

4.

Где комета хвостом не разбила льда,
побоявшись распробовать глубину,
там и я буду медлить и ждать, когда
торопливое сердце пойдёт ко дну.

Не оценишь, пока не начнёшь тонуть,
деловитую хрупкость ночных витрин –
открывая обзор, преграждают путь
торопящимся таять, как аспирин.

Расторопной шипучкой упасть на дно,
в тёмный трюм просочиться косым лучом –
одинаково хлопотно (всё равно,
что поддерживать тонущий мир плечом).

Полюбовный напиток семи страстей
разрывает на части чугунный шар.

Замолчи и высчитывай, грамотей,
по сомнительным числам чужой навар.

5.

Мы разрушили мир, чтобы вышел дом,
но не вышло, как водится, ни гроша.

Вот и ночь прогремела пустым ведром,
мимо зарослей спящего камыша.

Завтра День Урожая. Пора в амбар
корешкам и вершкам довоенных снов.

Под испорченным душем смывай загар,
ожидай наступления холодов.

По любому выходит, что нет судьбы,
в этих улицах тёмных, но вот рассвет –
заправляет хозяйством и бреет лбы,
а не скажет ни слова тебе в ответ.

Да и ты позабудешь задать вопрос,
наблюдая, как делает первый взмах
наша полночь, летящая под откос,
не сумев задержаться ни в чьих зрачках.

6.

Только ты и свобода твоей беды.

Сколько вынуто ключиков из глазниц!

Мы опять на пороге Большой Воды.

Море носит бутылки и мёртвых птиц.

Море ищет пожатья твоей руки,
пропуская сквозь пальцы мои слова.

Нарисуем линии, уголки –

вот и вышла повинная голова.

Вот и вышла свобода лететь навзрыд,
обращая всё встречное ни во что.
Время рухнуло в море, но мир стоит,
и на вешалке виснет ничьё пальто.
Это молодость, впрочем, а не звезда,
это тема, но будет ещё темней.
Где выходит на берег твоя беда,
там и будет кому позабыть о ней.

Владимир Буев

1.

Если мнится, что бог, то зажечь луну
не пытайся при первой же мысли вслух.
Поразмысли, потом проглоти слюну.
Прикуси язычок, чтобы он распух.
Вот тогда загорится сама луна.
И светила иные станцуют вальс.
То не сон, ты не бог – голова пьяна.
Потому и столь редкостный расколбас.
Птичий пух (ровно так, как и птичий прах),
Освещённый сияньем луны и звёзд,
будто камень, застыл на твоих губах.
Разоритель не меньше, чем сотни гнёзд!
Но ни в глаз и ни в ухо не получил.
Побоялся природу народ спасать.

Кому должен, народ уж давно простил.
Да потребно и пар иногда спускать.

2.

Лету – всё. Остальным недрузьям – закон.

Как почую сентябрь, так хочу в полёт.

Ещё август жив, осень бьёт поклон,
выставляя августу незачёт.

У пруда купальщик один лежит.

И чего мои взоры туда косят?

Знать, купальщица. Потому аппетит
разыгрался, хоть возраст – под шестьдесят.

Как заёкало сердце! И в двадцать лет
не бывало такого – и вот опять.

Как же больно-то! Видимо, сей предмет
стал характер всё чаще проявлять.

Так скорей за гантелями! И качать
плечевые усталые мускулы,
чтобы к новому году сформировать
богатырское тело русское.

3.

Тут не только поэмы в тираж идут,
скоро выйдем в бесценный мы все тираж.

Неконкретные образы ускользнут.

На конкретных устроим крутой вираж.

Пирожок на троих – это братство тех,
кто не сдаст ресторанам родной подъезд,

кто закуску разделает под орех,
бог не выдаст кого и свинья не съест.
Кто не только в казармах бромид глотал
иль текучие луны гонял платком,
кто при этом писал до конца: амбал!
Не амбал, так гиганта в нём есть геном.
Но поправки в итоге не избежать
Ведь канун – это не полчаса, а день.
Перед праздником целый день лежать,
то читая, то стряпая свой катрен.

4.

Разлетались кометы туда-сюда,
не желают они на землю пасть.
Пусть бесчисленна этих комет орда,
Их профессия – души, а лёд – матчасть.
Потому не желают кометы лёд
ни растрескивать влѣгкую, ни всерьѣз
разбивать, чтоб в глубины холодных вод
погрузиться, насытив поэта спрос.
Не желают кометы ни дна, ни в трюм,
ни покрышки: они высоко парят.
Если дно, то поэт на гидрокостюм
на крайняк согласится, коль угостят.
Но покрышка и трюм? Не бывать тому!
Как в покрышке иль в трюме миры спасать?
Семь страстей пережить лучше на дому:

пить напиток любовный, икру метать.

5.

Мир разрушен, но крепость моя стоит.

Я-то знаю, что рушить, а что – табу.

Пусть в грошах испытывают дефицит
нехорошие люди с клеймом на лбу.

Пусть они и живут внутри камышей.

У меня мой дом – это крепость моя.

Тут меня зимой ублажит Орфей,

Пела летом – зимою танцуй, змея.

Стрекоза, говоришь? Всё равно танцуй!

Слова нет другого тебе в ответ.

Ты попробуй на улице заночуй,

и поймёшь, как прекрасен был наш дуэт.

Все вопросы твои (верю: навсегда)

отпадут и забудутся – мне везёт.

И в зрачках твоих вечною правдой «да!»

при вопросе моём любом сверкнёт.

6.

Как жестоко порою себя ведут

экземпляры двуногих, кого назвать

и людьми-то нельзя. В глаза суют

Вместо скважин ключи, чтоб глаз лишать.

А потом вот сиди у Большой Воды

и вылавливай трупы несчастных птиц,

хорони пепел детской большой мечты,

извлекая ключи из пустых глазниц.
Вот пальто промокло – оно бодрит.
Брызги шпарят, не жалуя никого.
И на берег выходят богатыри.
Тридцать три. Недостача лишь Самогó!
Этим сáмым самíм стану лично я.
Был я молод, теперь старым стал совсем.
Черномору никак отказать нельзя.
Так что руку давай и пойдём в Эдем.

Гениальность не порок

Михаил Гундарин

ПРОГУЛКИ

1.

Этот город слишком мал
для достойного романа.
Ты – начало всех начал,
я – звезда телеэкрана.
В этом разница и суть
безнадёжных отношений.
У тебя большая грудь,
я почти взаправду гений.
Жизнь идёт на поводу
у игрушечной обиды.
Не имей меня в виду,
не теряй меня из виду!
Этот город зорких глаз
по-весеннему подробен
и поэтому для нас,
словно обувь, неудобен.

2.

Мы выходим на бульвар,
на цветущую аллею.

Первый утренний комар
опускается на шею.
Для него спасенья нет
от безжалостной ладони!
Запах пива и котлет
утонул в одеколоне.
Между прочим, двести штук
стоит жгучая водица.
Пригодится, если вдруг
захочу опохмелиться.
Да и как не захотеть
после этаких прогулок!
Мы с тобой попали в сеть,
мы на дне чужих шкатулок.
3.

Видишь, справа гастроном
под названием «Диета»?
Торговали там вином
в дни Великого Запрета.
Там несчастен был народ!
Был и я с моим народом
дни и ночи напролёт,
словно в песне, год за годом.
Вдохновенная душа
сквозь сумятицу и давку
продвигалась не спеша

к заповедному прилавку.
Голубые города!
Удивительное рядом!
А теперь смотрю туда
равнодушным, вялым взглядом.

4.

Десять лет тому назад
нас не старили столетья.
Мы глотали сопромат
вместо сладкого, на третье.
Зеленеющим кустам
лестны лёгкие морозы,
как цензура – трём листам
начинающейся прозы.

Впрочем, в эти времена
ты была надеждой школы...

Значит, речь моя скучна,
как похмелье с кока-колы,
как в застолье спич о том,
чем кончается веселье:
не больным ли животом
и ментовскою шинелью?

5.

Вот коммерческий ларёк
под названьем «Недотрога».
В нём работал мой дружок,

Целовальников Серёга.
Весь бесхитростный товар
был опробован друзьями.
Невеликий свой навар
пропивал Серёга с нами,
рассуждая: «Трам-тарам!
Недорезанным буржуям
свою душу не продам,
пусть довольствуются малым!»
Зимней ночью был он бит,
а потом замёрз по пьяни...
«Недотрога» же стоит,
и владеют ей армяне.

6.

Скучный университет
обойдём-ка стороною...
Лучше я тебе секрет
примечательный открою.
Чем доступней мир идей,
тем мучительней пространство.
От сомнительных путей
нас хранят любовь и пьянство.
То есть ты меня спасёшь
без особенных усилий...
...если эта молодежь,
что с ухмылками рептилий

приближается сюда,
завернёт в ближайший скверик...

Завернули? Ну, тогда
отправляемся на берег!

7.

Славно лёжа на спине
наблюдать такие дали,
где в прохладной вышине
сочетаются детали,
образуя тот же вид,
ту же скучную картину,
что сгорая, не сгорит
(разве что наполовину).

Да и где он, тот огонь?

Вот и нам пора обратно.

Покажи свою ладонь –
ну, теперь мне всё понятно!

Останавливает кровь
пожелание удачи.

Мир затягивает вновь
и не может быть иначе.

Владимир Буев

1.

Гениальность не порок,

а лишь повод для знакомства.

Неудобен мой урок?

Не причина он потомства.

Мне звездить судьбой дано,
обижаться не должна ты.

Ты сама пила вино,

На себя я взял оплату.

Да, я подливал слегка.

Но как только дно пустело,

ты глядела в облака

и душа твоя скорбела.

Намекнула мягко мне:

мол, одежда неудобна,

дескать, при большой луне

Афродите ты подобна.

2.

Я поверил, что ж теперь

ты в меня шкатулкой мечешь?

Ты амбиции умерь –

ими жизнь не обеспечишь.

Ты не верь в злорадный звон,

что разносится повсюду.

Вовсе не одеколон

ты пила. И злomu люду

верить на́ слово нельзя.

Пусть предъявят аргументы:

фотоснимки (как ферзя)
иль с печатью документы.
Так пойдём опять гулять,
чтобы вновь ключом забила
наша жизнь. К чему пенять
на красавца Михаила!

3.

Не ревнуй меня сейчас
к той Ахматовой, что Анной
прозывалась. Мой Парнас
точно не был скрыт сутаной.
Потому ходил в народ:
в гастрономы; к королевам.
Лишь последний идиот
юность сдал иным напевам.
Так пойдём теперь с тобой
в те места, где я и Анна,
были вместе со страной
(там не ходят графоманы).
В те места, где крылья птиц
развернутся и защитой
станут от других блудниц
и подруги именитой.

4.

Сорок лет тому назад
был немного я моложе,

но пока ещё засад
на моём хватает ложе.
Лягу если на диван,
сразу что-нибудь готово:
то поэма, то роман.
Гениально через слово.
Неспроста ведь сопромат
я глотал студентом вуза.
Налицо и результат –
Посещает ночью муза.
Вот опять ревнуешь ты.
Муза – это ведь не Анна.
Это чтоб из темноты
образ вынырнул спонтанный.

5.

У меня друзья круты:
не чета иным слюнтяям.
С ними свяжешься – кранты,
Ведь они как самураи!
Водку хлещут, глушат спирт,
Кулаками бодро машут.
А потом чувихам флирт
артистически навяжут.
Я к друзьям старался быть
Ближе, чем к негодным рохлям.
Подвизался водку пить,

Пока все друзья не сдохли.
И тогда буржуев я
сам пошёл мочить в сортирах.
Стоп! Хватило мне чутья:
не пошёл я в дебоширы.

6.

Образованных теперь –
что китайцев на Востоке.
Я хороший, я не зверь,
хоть порой четвероногий.
Нашепчу тебе в уста
Сонм идей крутых по пьяни.
Не жалея живота,
размещайся на диване.
Вот закончили, пойдём
прогуляемся немного,
в парке два часа убьём.
В парк ведёт одна дорога.
Молодёжный там дебют:
образованы все очень.
Коль тебя не отобьют,
То меня побьют (замочат).

7.

А порой люблю мечтать:
На диван, бывало, ляжешь
и давай СЕБЯ строгать

в образах (не всё расскажешь).
Что-то рассказать готов:
то главарь бритоголовый,
(мол, начальник пацанов),
то я царь, то Казанова.
То я сам Наполеон
(до Бородина, конечно),
то Кутузов из времён,
когда враг бежал поспешно.
Мне не скучно жить, когда
все мечтанья удаются.
... Что года? Опять года?!
Не дождётесь/не дождутся.

Я рефлексирую, я не мошка

Михаил Гундарин

СТАРЫЙ ПОЭТ

Вступление

Дочиста съеденной речи крошки –
острые, словно от сухарей,
видишь, протягиваю в ладошке
для привлечения голубей.
Люди в домах, мутный свет в окошке,
им не надо пищи моей.

Так и случилось. В плаще потёртом,
в кепке, болтающейся на глазах,
перекрывавший миру аорты,
ныне оставшийся в дураках,
молча стою. Разновидность спорта –
окормление малых птах.

Выше взлететь, тяжелей свалиться –
так я в гордыне своей хотел.
В общем кипенье перевариться,
о пустоту раскрошиться (мел)...
Всё получилось у очевидца,

преодолевшего свой предел.

Фрагмент 1.

1.

Начинай же. Я за тобою
со своей небольшой бедою,
со своей золотой трубою –
пионерским зовётся горн.
Вечер вновь лимонадом полн.

Здравствуй, Алка, и здравствуй, Светка,
первой встречи пустая клетка.
Вот на память сухая ветка –
наш посланец назад летит,
выковыриваясь из орбит.

Это гимн выпускному классу,
порастраченному запасу,
карабасскому Барабасу.
Неуместный звучит свисток,
затянулся зарёй Восток –
дело на полчаса, дружок.

2.

...А потом я пошёл и вымолил,
только тем ничего не вымолил,
обломался, пошёл на слом.
Та девица звалась Молекулой,
я же вовсе не был Калигулой,
да, хорошим, но не орлом.

Подари мне своих родителей,
дева света, и осветителей,
что идут тебя освещать.
Завещай мне землю и фабрику
да, засранцу, но вряд ли бабнику,
отказавшая нежить-б...

О проклятое бремя молодости,
дай мне силы для новой подлости,
заколдуй мою злую тень!
Разрешённого лета радости,
пищеварением пропахшие сладости,
просто скисшая дребедень.

3.

Мы с тобою повстречались. Было душно, было жарко.
Я сказал: на дискотеке будешь мне женой, а ты,
улыбаясь, отвечала: эта дырка, эта арка
(две на каждый на динамик) просто марка пустоты.

Ты не даришь мне подарка, а подарки так просты.

Мы с тобой сидим в буфете есть две пиццы и хот-доги,
у тебя такое платье, что запутались цвета.

Мы с тобой уже не дети, но не люди, и не боги,
у тебя такие туфли, у тебя в душе мечта –
быть одною из немногих, но немногих неспроста.

Я бы съел тебя на завтрак, я бы выпил это море
с серебристыми ногтями да помадой золотой.

Я стесняюсь продолженья, я теряюсь в разговоре,
уже поздно, уже страшно, уже всем пора домой.

Словно надпись на заборе, ночь окажется простой.

4.

По рублю,
говорю, сука,

и

по декабрю,

ну-ка

– Голливуд, гори!

Сообразим,

понимаешь,

сразу на

вообразим

что. Убегаешь?
Не беда это, а война.

Не такую
жизнь,
не такую,
Он обещал мне, а
с закуской, с маслинами, ухой, икрой.
Слова

Грели
чтоб всех,
чтобы их ели.
Чтоб вверх, так вверх.

.....

А ты попробуй!

5.
Эти улицы темны
эти улицы пусты
но ведь мы
с пустотой на ты

я использован сполна
я использован зазря
но она

знает теперь, что такое заря

предварительный заказ

показательный закос

двое нас

лишь я и её барбос

мы по лезвию ножа

я ответил ей ложись

говорю госпожа

ведь такова вот жизнь

не хочу говорит затем

уходит знать в туалет

я в её квартире номер семь

а её уже вовсе нет

6.

Деревья осыпаются. Налево,

Туда, иду задумчиво. Налево

Виниловый тяжёлый винегрет.

Зима глядит совиными глазами.

Сплошной дум-дум в компьютерном вокзале,

Мучительный, как чёрный пистолет.

Любви моей в раскрашенное небо

Сегодня я смотрел, как будто в небо,
Как некогда описывал Рабле.
Устали раскавыченные чресла,
Устал стакан, устала и канистра,
Устала хризантема на столе.

Я обещал себе во имя жизни
Уже не думать о грядущей смерти,
Что лезвие наводит на язык.
Она теперь одна, в пустой квартире,
Откуда я ушёл, в какой-то мере
Заполнив надлежащие пазы.

Там лоджия стеклянная. Там двери
Железные. Там-там по крайней мере,
Бывало много разного того
Компьютерного, стало быть, съестного,
Диванного, алмазного, такого –
Она-она и больше ничего.

Фрагмент 2.

1.
Я знаю самое страшное время суток
Пять утра после большой попойки
Просыпаешься, не понимая, где ты

что с тобой

закроешь глаза радужные пятна

Похмелье всё ближе

Пять утра

Это жизнь или смерть? Здесь, на кровати со сбившейся простынёй?

С одеждой, кучей брошенной рядом?

Это то, что между жизнью и смертью

То, что предстоит всем

Ты думаешь, что было вчера

(лучше, если помнишь, что было вчера, если не помнишь – жди до утра, тебе расскажут – как мучительно ожиданье)

И напрасно твердить себе – потому послал их на х., что они заслуживали быть

посланными на х., что всегда хотел, и наконец осмелился

Враньё

Будешь униженно извиняться

И ещё хуже, если не будешь

Типа гордый и с кем не бывает

враньё

так больно, так стыдно

все обрушивается на тебя

в пять утра

Не можешь лежать не можешь встать

Стыд холодный пот дрожь

А если это белая горячка

Но вот что ещё хуже
Представлять, как будешь умирать с утра
Эту боль в правом боку, эту тошноту, этот грязный сортир
на работе
Этот перегар и сохнувшее небо
Нечищенные ботинки
О, нет
А ведь и не было
совсем недавно
молодость
Теперь будет всегда
Старость – это постоянное похмелье – нет, ещё хуже
это ожиданье похмелья
страх стыд холодный пот
ну вы поняли
чем спастись в пять утра?
только верой что к вечеру похмелье пройдёт
следующее утро будет светлым
потерпи
потерпи
потерпи

2.

Смерть моя, на цыпочки! До завтра!
Ты из тех поддельных жемчугов,
Что в момент откроют Ихтиандра –

Мнимого – собранью знатоков.

Значит, понарошку умирая,
Поутру воскресну, похмелясь,
Тоже невзаправду. Вот такая
Малоутешительная связь!

Но однажды – я сказал «однажды»,
Понимаешь, через много лет...

.....
.....

3.

Сунули стакан спирта

Пей

Может гореть

Не смей запивать

Выпил

Горю

Изнутри снаружи

Стоят смеются

Старшие трое

Поэт Н.Н.

Поэт К.К.

Поэт В.В.

Ты поэт тоже

Поэт

Наша слава стоит на спирте

Спирт стоит на огне

Огонь стоит на игле

Та потеряна

Главное не запивать

4.

О, как развёртывается, простирается во всех глазах

Сад-стекло-алкоголь,

О семи головах

Цветом же сталь&соль.

С`анти-ментальны мы

Вот и расширяемся как бутылка (и ею же) изнутри

Становится видно, что кроме уличной тьмы

Есть ещё прочих три.

Одиннадцать сосчитано как граней

У стаканей

5.

Он был диктором на местном ТВ

Писал рассказы из народной жизни

Под Шукшина

Я был немного младше

И не отказался бы попасть в его эфир
Но он только разводил руками –
Начальство зажимает, одни спонсоры да жида
Жиды кругом
Ага
Мы встретились ранней осенью
У ворот телецентра
Взяли три бутылки водки
Пошли к нему домой
Он жил рядом в маленьком домике
Доставшемся по наследству
Жена ушла к родне, нужно было управиться до её прихода
Приступили
Закусываем солёным да свежим
Сырым да варёным всё своим собственным
Это был 92-й год
Говорили про Ельцина, Бродского, ругали обоих
Тогда я и мои друзья называли себя красно-коричневыми
Ещё до официальной левизны и патриотизма, ещё до НБП
Жиды все, жиды кругом повторял он
А будто не правда?
Я незаметно напился
Как раз когда пришла его жена, а водки не осталось
Меня вырвало прямо на скатерть
Потом на её платье и на его брюки
Потом ещё раз куда-то

Он рассвирепел

Он повалил меня на дощатый крашенный пол

Сунул в руку тряпку и заорал

Убирай за собой! Убирай!

Три, сука, дочиста! Чтобы ни следа!

Чтобы ни духа твоего жидовского!

Это ты, ты жид! Всё подлижешь сейчас, подонок!

Вот те на

Я подтирал, проваливаясь в сон, елозя коленками по мок-

рому

Вытер все отлично, пошёл, протрезвев

Добрался благополучно

Прошло пятнадцать лет

Он всё там же, и я всё тут же

Мы почти не общаемся, но здороваемся

А что общаться – никто не знаменит

Не то что Ельцин, Бродский.

Ему за сорок, мне под сорок

Он совсем не пьёт – сердце,

Я почти не пью – почки.

Пройдёт ещё 15 лет

Ещё

Ещё

И ещё

А что жида

Что они могут, вообще.

Жи́ды не при чѐм.

6.

я не ел твоих шашлыка
водки я твоего не пил
просто эта рука река
мы пройдем не забрызгав крыл

соль и пепел на раны твои
мельтешение поездов
о последней любви говори
о том что без слов

проникает в жилы твои
заполняет сердце твоё
как стакан золотого аи
как простое враньё

7.

Дождливым вечером
Выходим из пивной
Во двор, заверченный
По линии одной

Идёт кружение
Обводок, поводков

Преображение
Дворов, даров.

А где мы падаем
Среди тройных берёз
Там будет памятник
Из наших слёз

Из непромытого
Из толстого стекла
Как жизнь разбитого...
Как эта ночь светла!

Фрагмент 3.

1.
мне приснилась рифма
«щёлк/щёлк»
во сне я не мог
отвести глаз
от того, кто наводит
свой болт
то есть свой телескоп
на таких нас

смяты простыни.

лето
диктатура дурит
эта музыка снова ни для кого
комиссар любви,
изучай иврит
обводи по контурам
естество

кто товарищ стар
тот не суперстар
мало мало лет ей
куда с добром
выключает свет делает вот так
да по оптике топором

спой мне песенку про то
что нельзя не потерять
я живу носить пальто
ты живёшь не умирать

2.

Положил ладонь на горячее место
между коленом и юбкой.
Прямо здесь, между столом и креслом,
становись ошибкой, голубкой.

Много будущего, Мария,
полировки его и ворса.
Там, где вещи на Э, Ю, Я,
быть на А и на В не бойся!

3.

Вот куда хочу – в мирумирумир
В субфебрильный глухой компост
где закрашены стёкла закрыт эфир
Не раздвинуты ноги не брошен пост
Надо вновь невинности чтоб никто
золотыми пальцами не проник
в тридесятый раз под её пальто
не накапал себя в родник
Я хочу вернуться где тротуар
Покрывают трещины самолёт
Где летит быстрее в стратосферу шар
где жар-птица крылами бьёт
Ты прими меня мать сыра земля
Прижимай меня балалайкой же
Усыпи мой страх ж.. заголя
Я твой сторож б.. на ничьей меже
Я твоих картин распоследний гвоздь
Твой урус-ответ на сургут-марган
Не идёт слеза, но приходит гость
С.. бьёт в барабан

4.

Мой знакомый служил в московской конторе
одного небольшого, но известного олигарха
пятым подползающим, хозяина видел редко

Да тот и вообще редко бывал в офисе с мраморной лест-
ницей,

ведущей на второй этаж, колоннами,
окнами в три роста

Когда хозяин приезжал, воцарялось ликование, смешан-
ное с ужасом

Все смотрели вниз с галерей второго этажа,
облокотившись на широкие перила

Он словно светился, идя по ковру,
прилетев из Сибири ли, Лондона, с Юга

Высокий стройный загорелый в рубашке поло
делами не управлял, мог уволить просто так, по виду
(но генеральный потом упрашивал оставить)

Улыбался зевакам, кивал

Иногда вёл с собой блондинку-жену,

Пьяницу

В красном платье красных туфлях
с бюстом пятого номера

Шёл по ковру и бил её

Она падала, он пинал,
поднимал, давал затрещину

Бил в ухо локтем в бок наотмашь под грудь
Пощёчину слева, пощёчину справа
Подзатыльник саечку
Не пила чтобы не гуляла
Сука
Она хныкала но терпела
за дело ведь
Она даже улыбалась сотрудникам,
задрав голову
кивала знакомым
Иногда вытирая струйку крови из носа
Цветом в тон платью и туфлям
И ведь за дело, за дело
Ведь он кто а она кто
Теперь он разорился
Конечно, не до конца, но офис продал
А жена его разлюбила бросила
Не за такие ж деньги в самом деле

Владимир Буев

Я рефлексирую, я не мошка –
птичкой желаю взлететь наверх.
Мне ж предлагают остаться сошкой
мелкой. С таким согласиться – грех.
Лучше уж с неба упасть: лепёшкой

лечь чернозёма поверх.

Так и случилось: упал. В лепёшку
моську разбил. Ну, а сам живой.
Встал, отряхнулся. Слегка ладошкой
тронул лицо – нет лица. Щекой
(бывшей, конечно) коснулся пальцев.
Боль разлилась волной.

Зубы целы ли? Целы, курилки!
Значит, еду я смогу жевать.
Жаль, в голове моей не опилки:
было бы проще сейчас страдать!
Боли б не чувствовал, и ухмылки
понт бы хватило показать.

Фрагмент 1

1.
Я молодой. Ты молодая.
Горн нас зовёт, куда не зная.
Не реагируешь ты. Глухая?
Ты задавалка и фря!
Время расходую зря.

Вон на меня засмотрелась Алка.

Светка, Монетка и даже Галка
Мне не приклеят аморалку.
Новой я загорюсь звездой,
как только горн сыграет отбой.

Школа давно позади, но память
снова меня сподвигает чаять
прошлое вытянуть и не хаять,

а сделать нынешним днём.

Будто мы снова вдвоём
в травы сейчас упадём.

2.

Ты сама на колени попросишься,

но сегодня ты зря превозносишься.

Обломала сейчас меня.

Через пару лет обломаешься

Ты сама. За сегодня раскаешься,

Этот день и час прокляня.

Знаю я, у твоих родителей,

Денег много, значит, просителей.

Не проситель я, твою мать!

Я твой суженый, значит, ряженный.

Натурал я не напوماженный!

Что ещё тебе, дева, желать!

Носил я прежде бремя непосильное,

Но время в годы те было стабильное.

А что за бремя? Юность или молодость.

Но знал я, как отнять у тестя фабрику,

пусть тесть потенциальный. На романтику

я дочь его развёл, развеяв холодность.

3.

Новый день – и снова пицца. Новый год – и разносолы.

Вижу девушку простую. Знаю, просто будет взять.

Лоб насупил и нахмурил. И советским ледоколом

подошёл к тебе и сразу улыбнулся, чтоб обнять

и увлечь в безумный танец. Чтобы ночь твою занять.

Но в буфет ты потащила, набрала поднос кормёжки,

будто кушала неделю ты назад в последний раз.

Времена ещё былые, мне с трудом хватило трёшки.

Ты всё съела, намекнула на ещё один заказ.

Мне неловко. Тут, однако, получила ты отказ.

Я бы съел тебя на завтрак, но ты вечером сбежала,

как еды не получила по второму кругу ты.

Не успел тогда ни пикнуть, ни устроить я скандала.

Грызть осталось ногти злобно и рыдать до хрипоты;
Запивая горе морем, вспоминать твои черты.

4.

Вечеру
заберу в ложе
кайф
но не умру.
Боже,
верю, даст мне драйв.

Мы на троих?
Иль впятером
Раскрасим
жизнь трусих?
Я стану образцом,
с трусихой квасим.

Кто что кому
Пообещал
ушло во тьму.
Я тоже много обещал,
мне обещали разу не по одному.
То сериал.

не догоню,

так хоть разогреюсь.
Догоню – соблазню
(но не надеюсь).

.....

Лучше не пытаться.

5.

Я с пустотой и с музами
на ты.

Связать хочу их узами –
они в кусты.

конкретно ты не убежишь
ведь ты не муза
ощутишь
что значит юзать.

зачем подсунула собаку
поверь что я не зоофил
кусака или не кусака
простил

что ж с собакой делать мне
не пускает в туалет

мы вдвоём наедине

нет-нет!

я простил тебя отпусти
не хочу говорит зачем
сам прошу уже прости
а она: у вас тандем

6.

Сомнамбулой везде и отовсюду
Хожу. Спать ночью я опять не буду.
Стихи писать я стану, как Рабле.
А, впрочем, не писал Рабле стихами.
Да и стихов писать не смел. С его грехами
Сатира лишь вершила дефиле.

Так нет же! Франсуа Рабле поэтом
Был больше, чем... Речь, впрочем, не об этом.
А речь о том, что всё в моей квартире
Устало: все предметы неживые.
Я загрустил: слова мои скупые
На лире зазвучали и в эфире.

Запутался я сам в своих исканьях.
И потому не помню, то ль о жизни,
А то ли о любви веду я речь.
Рабле, Рабле... и ты мне не поможешь,

Я думал, ты идеек мне накрошишь
И ритмику подскажешь, как извлечь.

Я в предвкушенье разного. Чудесного.
И жизнь мне дарит разное. Опасное.
Но рыцарь я: диваны все измял –
в квартирах, где живут мои зазнобы,
включая тех, кто мне не дал от злобы –
езде измял, где только побывал.

Фрагмент 2.

1.

И кто же не прошёл период страшный

И не один период – сонм их целый
Проснулся – и ужастик перед взором
Вчерашний, разумеется, ужастик

Томление однако в теле
И кто-то жмётся нагло рядом
Наверно, от меня чего-то хочет
Иначе что ж ему иль ей в меня вжиматься
Глядь – это же всего бутылка

пустая

И не одна, а целых десять

Так где же ты пытаешься представить

Склероз рулит с полуночи до самого утра и до обеда

а может и до вечера субботы

не этой, а через одну иль две недели.

И все взирают будто с укоризной

хоть сами и не меньше побузили

а может быть и много-много больше.

А тело всё страдает

изнывает

И даже мысли нет о той девице

И об иной опять же мыслей нет

О третьей, о четвёртой и о пятой

Но о шестой так хочется подумать

И думаю!

Болит но я мечтаю

Мечтать не вредно

Вредно не мечтать

А умирать – ну все мы умирали

Не раз не два и даже раз не сто

И может быть не раз ещё умрём

Когда попойка ночью состоится.

Я молод

Значит старость далеко

И значит пить цистернами способен
Но где девицы?
Где же?
Почему
Под боком у меня одни бутылки
Как будто это я их все опорожнил
Но ведь не я один
Ведь были у меня соратники
Товарищи намеренные боевые
Хотят всё на меня списать
и счёт оплачивать заставить?
не выйдет
не выйдет
не выйдет

2.

Тихо встал, не стал ни с кем прощаться
Впрочем, не увидел никого.
Все на воздух вышли пообщаться.
Или испарились – колдовство!

Впрочем, знаю – вовремя сбежали.
За погром в квартире сорок пять
Никого пока не наказали.
Как поймают – смогут наказать.

Надо лечь на дно сейчас на месяц
На звонки никак не отвечать...

.....

.....

3.

Уйти в подполье
Залечь на днище
Не получилось
Поэт поэта
Везде найдёт
Хотелось выпить –
Я сам нашёлся
Я был там лишним
Четвёртым был
Поэты трое соображали.
Все дядьки – старцы
Я ж молодой.
Их трое, что же
Четвёртым буду
Сказал я жёстко
И взял стакан
И третий дядя

Остался трезвым
Его спирт выпил
Я весь до дна.

4.

Бульк-бульк, бульк-бульк, и вот я вижу донышко бутылки.
Очередной, конечно, а не первой.
И сразу тысячи ночей Шахерезады пылкой
И тысяча Шахерезад мне треплют нервы.

Плюс ночь ещё одна
Плюс к ночи этой и Шахерезада.
Последняя Шахерезада так скромна,
Что, может быть, я выскользну из смрада.

Но вот опять несут бутылку с напитком
К чему стакан и эти пережитки?

5.

И тут я вдруг увлёкся телевизором
Там часто мой кумир программу вёл
Меня считал он конкурентом
И в телевизор не пускал
А сам базарил на экране

И нёс пургу про Шукшина
Не забывал он и про прочих
Про них он тоже нёс пургу
Но иногда тащил и ересь
А также чушь и чепуху
Нелепость вздор абсурд и дичь
Я выгнал бы его с эфира
Но он подлец не уходил
А впрочем был он классным парнем
И дельно каждый день вещал
Два раза в сутки он эфирил
А я не мог и в месяц раз
Но знал я как найти лазейку
И через что пролезть в экран
Пошёл к начальникам большим
И предложил свои услуги
Таким макаром жизнь сложилась:
Увлёкшись с боем я пробился
В региональный телезомбящик
И стал кумиром тысячи девиц
И также сотни бравых молодцов
Вы не подумайте чего-то не того
Те молодцы все были пацанами
А не какими-то не теми
Не содомитами не геями совсем
Хотя нередко пидарасами бывали

Когда подруги их ко мне сбегали
Ловить пытались эти пацаны меня в подъездах
А также в разных тёмных подворотнях
Но я все подворотни огибал
Любил ходить по улицам широким
И ярко новогодне освещённым
Ведь дома часто я не ночевал
Чтоб лишний раз в подъезд не заходить
...А бывшего кумира моего
Из зомбоящика попёрли очень быстро
Я знал что делал донося наверх
Из нафталина он достал Варфоломея
И мне решил устроить подлый ночь его
Его – то значит что Варфоломея
Во Франции любили эту ночь
Но я знаток истории был славный
И принял приглашение поесть
И выпить грамм по сто а то и больше
Мы выпили по сто и сто и сто
Потом ещё по столько и вот столько
Потом опять и снова и опять
И всё, потом что было на квартире
У негодяя и антисемита
Вы можете чуть выше прочитать
В стихе оригинальном у поэта
Не буду напрягать вас пересказом

6.

языка моя заплелась
хоть водка твоя я не пил
а то что случилось вчерась
забыть я себе разрешил

кто ты? где я сейчас нахожусь?
ночь прошла но не видно зари
я стыжусь и ничуть не стыжусь
если хочешь меня подбери

а не хочешь продолжу лежать
ведь добро на дороге (как я)
не валяется им обладать
пожелает не только змея

7.

Вот жизнь вальсирует
То кру́гом, то кругом
То сфокусирует
То снова льёт вино

Хочу расслабиться
Но пьян настолько я

Что морда в рабице
Потом плашмя

Раз пьян, желание
Иметь в руках её
Пылает пламенем.
Суют хламьё

Рулит процессами
(Не врёт моё чутьё)
Как и принцессами
Хулинаньё.

Фрагмент 3.

1.

я люблю во сне
сочинять стихи
рифмовать слова
а потом вовне
выпускать грехи
на правах волхва
если болт на мне
счастлив я вдвойне.

впрочем нет, не так

это я кладу
на кого хочу
я в любви мастак
если снизойду
и не исключу
там где есть кровать
я люблю поспать

нет могильных плит
для дедов таких
что подобны мне
но болит болит
у таких нагих
даже при луне
свет блестит в воде
ты-то где?

нет не стар а юн

и ещё ого!
я в пальто не пень
на язык типун!
свежее мяско
мне ласкать не лень
каждый день

2.

Обещаю златые горы голубке,
если только птичка
пойдёт на любые уступки,
но, похоже, она истеричка.

Я мастак в полировке,
не таких обламывал.
После тренировки
поняла она замысел

3.

Только я могу в тридесятый раз
Под её пальто проникать рукой
Смысл буквальный, прямой, а не парафраз
Но все лезут нахально наперебой
Раньше я был рождён носить пальто
А теперь на тебе оно как на мне
С моего плеча то пальто и что?
Ты счастливою быть должна вдвойне
Я такой летун, в небеса хочу
Я и чёрт, потому под землёй могу
Кто не верит мне, у виска кручу
Кто поверит, на том быть колпаку

Материться я от души могу
Чтоб крутым побыть и сильнее стать
Если будут бить, я как вихрь сбегу
Прокричав в конце про чью-то мать
Не заплачу я – не идёт слеза
И чего рыдать ведь удрать смоглось
Подгляжу позднее я угла из-за:
Рассосалось может и расползлось.

4.

Я о себе как о знакомом расскажу
Я лишь немного правду приукрашу,
ведь правда приукрашенная лучше
читается и смотрится извне.
Тем более, что правда эта снилась
Я был богатым очень Буратино
И было всё моей покорно власти
Особенно красавицы и звёзды,
которые на подиумах бродят
И коль я был известным олигархом
то и владел московскою конторой
и мраморною лестницей в конторе
Ещё в конторе той была колонна
да не одна, а целый их десяток
И я туда водил девиц без счёта
(Так сладко было спать мне с ними вместе,

и просыпаться вовсе не хотелось)
Одну привёл однажды я в контору:
одну всего лишь, но зато такую,
которая в себе объединяла
Софи Лорен и Монику Берлуччи,
Мэрилин Монро, Бриджит Бардо и Пфайффер
(которая Мишель – нельзя не помнить!).
Ким Бейсингер – и эта в ней блистала.
Об Анджелине тоже заикаюсь
(которая Джоли; ещё ж какая!)
И в общем все иные красотули
в одной моей красавице сложились
Ещё забыл одну назвать красотку,
красавицу из прочих раскрасавиц
Не догадались? Бузова же это!
Она красою всех других побила
Пожалуй, что она была со мною
И так и сяк я с нею изгалялся
Над нею тоже – ласково-сердито
Весь персонал на лестницу забился
Вернее, с балюстрады наблюдали,
какими мы счастливыми были.
Себе я даже лишнее позволил
Но Бузова ничуть не огорчилась,
а просто пошутила: шалунишка!
И ей не заплатил я ни копейки,

ведь у меня в кармане только евро,
а также пачка долларов зелёных
У нас была любовь – она бесплатна
... Не стал банкротом я, не разорился,
но как-то неожиданно проснулся
А Бузова, плутовка, испарилась.

2020–2022 годы